

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ
АФРИКИ**

**Материалы конференции,
посвященной 30 – летию
отдела африканских языков**

Москва 1995.

И. С. Аксенова
(Москва)

Ответственные редакторы:

В. А. Виноградов
А. И. Коваль

Оригинал – макет изготовлен В. Ю. Гусевым

© Институт языкоznания РАН

**АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В
ЯЗЫКАХ БАНТУ. К ВОПРОСУ О
ТИПОЛОГИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО
ГЛАГОЛА (AUX)**

Основными средствами выражения грамматических глагольных категорий вида (аспектуальности) и времени в языках банту являются синтетические морфологические формы глагола, представленные комбинацией одного (в том числе и выраженного значимым нулем) или более предкорневых аффиксов и финального элемента. Ассортимент предкорневых элементов в таких конфиксах, которые имеют достаточно широкое распространение в бантуском ареале и могут рассматриваться как рефлексы протобантуских моделей, крайне ограничен. Наряду с разрядом предкорневых аспектно-временных аффиксов (AT), восходящих к общебантуским моделям, языки банту располагают наборами AT, область распространения которых ограничена немногими языками или даже одним языком банту. Отсутствие единства в наборах AT в различных языках банту с точки зрения многих исследователей объясняется тем фактом, что источником пополнения AT являются аналитические формы (АФ) со вспомогательными глаголами, восходящими

к знаменательным глаголам различной семантики. При переходе во вспомогательные глагольные элементы (AUX) в составе АФ знаменательные глаголы претерпевают различного рода структурные и семантические трансформации, которые в конечном счете могут привести к преобразованию AUX в предкорневые морфемные элементы синтетических форм глагола.

Глагольные АФ в языках банту подразделяются на два основных структурных типа — с главным глаголом в нефинитной или в финитной форме.

В первом типе АФ различного рода служебные аффиксы — негативный маркер (Neg), маркер субъектного согласования (SM) и AT — составляют часть морфемной структуры вспомогательного глагола (AUX). Морфемные элементы, выполняющие функцию местоименных клитик и согласовательных маркеров, согласующихся с дополнением (объектные согласовательные и местоименные маркеры — OM), обычно входят в структуру нефинитной формы главного глагола. В этом типе АФ главный глагол обычно имеет форму инфинитива с префиксом именного "инфinitивного" класса 15 (*uku- /ku-*), встречаются также в отдельных языковых зонах варианты с префиксом *i-*, *e-*, соответствующим префиксу именных классов 5, 9 и т. д. В некоторых моделях нефинитная форма главного глагола содержит препрефиксный элемент (PP), восходящий к локативному префиксу или предикативной копуле.

Например:

4

гусии:

atáár ééítire cimbori, inki rende a - ká - ré

он — не — привел коз что еще SM_{3pPl} —
AT_{const} — быть

kó - kér - a

Pref_{inf} — делать — Fin

'Он не привел коз, что еще он делает?'

Второй тип АФ представлен большим разнообразием моделей, различия между которыми проявляются в характере пред- и посткорневых формантов аспектно-темпоральных AT, входящих в структуру AUX и знаменательного глагола (Vb). В этом типе АФ обе составляющие — AUX и Vb могут включать в свою морфемную структуру аффиксы, выполняющие функцию субъектных согласователей или личных местоимений, соотносящихся с подлежащим.

Например:

ганда:

Abaana bwe ba- 0- ba- ba- 0- ebak- ue

дети когда SM_{3pPl} AT быть SM_{3pPl} AT
уснуть Fin

toyingira tu kisenge.

не — входи в комнату

'Когда дети спят, не входи в комнату.'

курия:

5

to -sokiri korengana iga tu— c—
e
 мы кончили договориться что SM_{1pPl} приходить Fin
tu— sikan— e (tuce tusikane) ico
 SM_{1pPl} встречаться Fin завтра
 'Мы уже договорились, что встретимся завтра.'

АФ, содержащие более одного AUX, встречаются относительно редко в языках банту. Необходимость в образовании таких АФ возникает тогда, когда некоторые из AUX утратили значение и функцию вспомогательных глаголов и превратились, полностью или частично, в морфемные элементы. К языкам, в которых встречаются АФ с цепочками из двух, трех или даже большего числа AUX, относятся лаади, йомбе и др.

АФ с цепочками AUX распадаются на два типа по структурному признаку: 1) SM и AT имеются во всех AUX, SM или Pref_{inf} и AT имеются в главном глаголе; 2) предкорневые глагольные элементы имеются только в линейно первом AUX и отсутствуют в остальных составляющих. Вторая разновидность АФ указывает на утрату структурных компонентов и представляет собой, по-видимому, определенные этапы превращения АФ в синтетическую форму глагола.

Например:
 руанда (первый тип с несколькими AUX):
ba— ka —ba ba— ka— ri ba— 0—
gi— ue

6

SM_{3pPl} AT быть SM_{3pPl} AT быть SM_{3pPl} AT
 идти Fin
inama.
 совещаться
 'Они (возможно) пошли посовещаться.'
 лаади (второй тип):
Mfūmfuta i- 0- fwan- ide toko
 пыльца 3_{p9cl} AT быть —должным Fin
 предшествовать
tān- a bwa.
 кончаться —Fin упасть
 'Пыльца должна сначала полностью осыпаться.'

Вопрос о том, что представляет собой AUX, исследовался многими лингвистами на материале языков разных типов. Пуллум и Вильсон отмечают, что в большинстве языков мира AUX являются или являлись глаголами, но при этом выделяют AUX из разряда глагола и предлагают рассматривать эту единицу как специфическую категорию универсальной грамматики (Pullum 1977). По определению С. Стил к числу свойств AUX относится в плане содержания то, что AUX помещает ситуацию, отображенную в предложении, в определенные временные рамки (временная характеристика), рисует временной контур ситуации (аспектуальная характеристика) и дает оценку ее реальности (модальная характеристика).

AUX представляет собой единицу поверхностного уровня, обособленную от главного глагола и не

7

подчиняющую себе главный глагол в качестве сентенциального актанта.

С. Стил устанавливает следующие универсальные закономерности, связанные с AUX:

а) не существует языка, имеющего AUX (глагольный — AUX_v), в котором субъектное согласование не включалось бы в AUX;

б) нет языка с глагольным AUX, в котором AUX не вбирал бы в себя форманты, связанные с выражением того, что относится к основным глагольным категориям;

в) нет языка со свободным порядком слов, в котором AUX занимал бы финальную позицию в глагольной группе;

г) нет языка, имеющего базовый порядок слов SVO или VSO, в котором AUX занимает финальную позицию в глагольной группе (группе предиката);

д) нет языка, в котором AUX потенциально не выражал бы время, т. е. в предложении, выражающем временнную локализацию события, время — обязательная часть семантической структуры AUX (Steel 1978).

В языках банту AUX отвечает всем перечисленным требованиям. Исключение составляют АФ с цепочками AUX в некоторых языках (лаади, йомбе и др.), в которых только один из AUX (первый в цепочке) имеет субъектный согласователь и АТ. Однако, как отмечалось выше, такая структура AUX свидетельствует об утрате этими единицами свойств AUX и переходе в АТ.

Что касается четвертого требования, то встречаются случаи, как будто бы противоречащие этому правилу. Однако в конструкциях, о которых идет речь, имеет место инверсия как способ выражения контрастивности.

Например:

гусии:

p'- ko- kōr- a a- te etegeto kera

PP_{contr} Pref_{inf} делать Fin SM_{3pSg} быть работу каждый *gītuko*.

день

'Он работает каждый день' (букв. 'Это — делать он — есть работу каждый день').

AUX подразделяются на несколько типов, различающихся между собой по разным признакам: по этимологии базовой лексемы (а именно, по принадлежности базовой лексемы к тому или иному разряду слов); по семантике базовой лексемы и соответствующего AUX, по степени отрыва AUX от базовой формы.

По первому признаку AUX подразделяются на вспомогательные глаголы (AUX_v) и вспомогательные неглагольные элементы (AUX_{-v}).

К первой группе относятся элементы, выполняющие функцию AUX, происхождение которых от глаголов (сохранившихся или исчезнувших в языке) не вызывает сомнения.

Ко второй группе относятся AUX: восходящие к неглагольным элементам.

По семантическому признаку могут быть выделены два основных разряда: AUX, восходящие к знаменательным глаголам с экзистенциальным значением, и AUX, восходящие к глагольным лексемам с иной семантикой.

AUX, восходящие к бытийным глаголам, распространены во всех языках банту, и АФ с такими AUX являются наиболее продуктивными и частотными. Вспомогательные глаголы *'di* 'быть' и *'ba* 'быть' используются для выражения темпоральных значений, в то время как АТ в составе главного глагола в финитной форме выражают аспектуальные и модальные значения. В АФ со знаменательным глаголом в нефинитной форме аспектуальные и модальные признаки выражаются общим значением АФ.

Например:

ганда:

Epkyua yonna a- 0- *ba-* *ide*
день целый SM_{3pSg} АТ быть Fin_{past}

a- 0- *ebak-* *ide*.

SM_{3pSg} АТ спать Fin_{perf}

'День целый он спал.' (букв. 'День целый он - был он - уснувши (или он - спит.)')

В отличие от АФ с AUX, восходящими к бытийным глаголам, которые характеризуются широким распространением в бантуском ареале и относительным единообразием семантики, AUX второй группы представлены очень широким ассортиментом. Для отдельных единиц этой группы

характерна узкая дистрибуция. АФ с такими AUX характеризуются широким спектром выражаемых значений, в большинстве своем относящихся к категории аспектуальности.

Лингвисты, исследовавшие семантическую структуру АФ в языках банту, считают, что наиболее распространенными глаголами, служащими источником для образования AUX, помимо глаголов бытия, являются фазовые глаголы, глаголы движения, модальные и некоторые другие. К числу наиболее употребительных в качестве базовых основ для образования AUX относятся глаголы со значениями типа начинать, кончать, продолжать, повторять, приходить, идти, суметь, хотеть, искать, отвергать, настаивать и др. Более ограниченную дистрибуцию имеют глаголы со значениями типа получать, возвращаться(ся), знать, обнаруживать, встречать, делать заново, делать сначала, делать потом, делать всегда (обычно), продолжать делать, делать полностью, собираться или приниматься делать, садиться, говорить, твердо намереваться, мешать, отказываться, не быть в состоянии и т. д.

Диахроническая эволюция вспомогательных глаголов в АТ в языках банту отмечена почти повсеместно, и большинство АТ имеет именно такую этимологию. Т. Гивон отмечает универсальный характер диахронической эволюции некоторых лексических классов глаголов и использование их для образования AUX и затем АТ. Участие фазовых глаголов (типа кончать, начинать,

продолжать, повторять и т. д.) в дополнении числа аспектно- temporальных морфологических элементов встречается во многих языках разных систем. Широко распространено употребление интенционально-волитивных глаголов для образования формантов будущего времени, глаголов со значениями 'идти' и 'приходить' для образования формантов будущего и прошедшего времени и т. д. (Givón 1971).

В языках банту во многих случаях представляется затруднительным с достаточной степенью определенности установить морфологический статус единицы, использующейся для выражения аспектуально- temporальных значений, т. е. провести четкую границу между AT и AUX. Примеры широкого использования элементов, занимающих пограничное положение между AUX и AT, не утративших живой связи с базовыми глагольными лексемами и уже начинающими превращаться в часть морфемной структуры глагола (синтетической формы), зафиксированы во многих языках банту. В некоторых языках (аква, лаади, шамбала, булу и др.) такие единицы численно преобладают над элементами морфемной структуры глагола, окончательно оторвавшихся от базовых лексем и не сохранивших признаков AUX. В шамбала имеется огромный ассортимент таких элементов, вступающих в свободные комбинации друг с другом, что по подсчетам К. Рёля дает около тысячи форм, выражающих различные оттенки

temporальных, модальных, аспектуальных, таксисных и сирконстантных значений (Roehl 1911).

Преобразование AUX в AT начинается со структурных изменений. Первым шагом в таком превращении является элизия предкорневых элементов морфемной структуры главного глагола в АФ.

Следующим шагом является изменение фонемной структуры самого AUX (обычно усечение и упрощение). В некоторых случаях AUX в процессе превращения в AT используется в языке в нескольких структурных вариантах, демонстрирующих последовательные этапы изменения его структуры. Примерами таких моделей могут служить элементы *-ku-ish-a* / *-ish-a* / *-sh-a* в суахили и *-damene* / *-dane* / *-dé* в зулу.

Например:

суахили:

a-me-kw-ish-a (*a-me-ish-a* / *a-me-sh-a*) – *andik-a*

'Он уже написал.' (букв. 'Он – кончил писать.').

Свидетельством окончательного перехода AUX в AT может считаться способность бывшей АФ с AUX участвовать в качестве синтетической формы в составе "производной" АФ.

Например:

ньакьюса:

fi-   *li-*   *n-ku-*   *end-* *a*   *n-uku-* *imb-*
a

Sm_{3p10cl} быть с $Pref_{inf}$ идти Fin с $Pref_{inf}$ петь

Fin

'Они запели (букв. 'Они—были—с—идти с—петь').

Сокращения:

АФ — аналитическая форма;

АТ — предкорневой элемент аспектно- temporальной синтетической морфемной формы глагола;

AT_{cons} — предкорневой элемент АТ консектива;

AUX — вспомогательный глагол;

Fin — финальный элемент морфологической структуры глагола (суффикс);

Fin_{past} — финальный элемент аспектно-tempоральной формы, выражающий значение прошедшего времени;

Fin_{perf} — финальный элемент аспектно-tempоральной формы, выражающий значение перфекта;

Neg — показатель негативной формы глагола;

PP — препфикс;

PP_{contr} — показатель контрастивности (фокус контраста), занимающий морфосинтаксическую позицию препrefixa;

$Pref_{inf}$ — префикс инфинитива;

SM — субъектный показатель;

SM_{1pPl} — субъект 1 лица мн. ч.;

SM_{2pPl} — субъект 2 лица мн. ч.;

SM_{3pSg} — субъект 3 лица ед. ч.;

14

SM_{3pPl} — субъект 3 лица мн. ч.;

SM_{3p10cl} — субъект 3 лица, 10 именного класса;

Vb — главный глагол.

Литература:

Givón 1972 — Givón T. On the verbal origin of the Bantu Verb Suffixes // Studies in African Linguistics, 1971.

Pullum 1977 — Pullum et Wilson. Autonomous Syntax and the Analysis of the Auxiliaries // Language, 1977, № 53.

Roehl 1911 — Roehl K. Versuch einer Systematischen Grammatik der Schambala Sprache. Hamburg, 1911.

Steel 1978 — Steel S. The category Aux as a Language Universals // Universals of Human Languages. Stanford, California, 1978, Vol. 3.

Фоде Ами Бангурा
(Гвинея)

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ СОСО

При изучении глагола в языке сосо необходимо рассматривать его с разных точек зрения — с лексической, морфологической, синтаксической.

15

Можно сказать, что глагол в соко — это основа всего грамматического строя. Именно в глаголе представлены словоизменительные категории, образующие грамматическую специфику этого языка. Структура предложения в соко также строится на формах и расположении глагольного предиката.

В лексикологическом плане в соко выделяются стандартные классы глаголов — движения, изменения положения, действия (на объект), состояния, чувствования и восприятия, говорения, мыслительной деятельности. Проиллюстрируем эти типы глагольных предикатов некоторыми примерами.

Глаголы движения:

sígá 'идти, отправляться, уходить'
Mámádi bárá sígá *Fútá*
Мамади ПЕРФ отправиться в Фута
(Мамади поехал в Фута)

só 'входить'
yé bárá só kúnkì kùi
вода ПЕРФ войти лодка в
(вода набралась в лодку)

Глаголы состояния:

xúngbó 'толстеть'
m'táma *xúngbóxá*
моя бабушка растолстела

yánbá 'блестеть'

týmbié yánbafé tá bérin xún má
звезды блестеть город весь верх на
(звезды сияют над всем городом)

Глаголы ментального действия и состояния:

xárán 'учиться'
Bádi tú xáránfá
Бади не учится

fáxamí 'понимать'

mihxú bárá ták mágé faxamu
мы ПЕРФ страна глава понимать
(мы поняли президента)

Глаголы действия:

bé 'разбивать'
Naná kérí bémé
Нана тарелку разбила

xábí 'ковать'

xábíi bárá kérí xábí
кузнец ПЕРФ тяпка ковать
(кузнец выковал тяпку)

Глаголы чувствования:

tó 'видеть'
ták bérin bárá kíké té
город весь ПЕРФ луна видеть

(весь город увидел луну)

х́он 'быть печальным, печалить'
ségetálá fáxé х́он sè bírín bë
юноша смерть печальная вещь все
ПРЕВОСХ.СТ.
(смерть юноши — самая печальная вещь)

Глаголы говорения:

yábi 'отвечать'
kálde tím ná á kánuí yábidé
попугай не мог его хозяин ответить
(попугай не смог ответить своему хозяину)

mad х́э 'рассказывать'
yérè ná kíní mádó xé
хálinmá bë
заяц ПРОГР сказка рассказывать—ПРОЦ гиена
АДР
(заяц рассказывает сказку гиене)

Кроме классификации глаголов по лексическим признакам, в особо важно различать два класса глаголов по синтаксическому признаку "наличие ингерентного объекта". Этот признак указывает на обязательность заполнения актантного места в падежной рамке глагола, соответствующего внутреннему пациенту, комплетиву, адресату. В некоторых случаях такие формы предиката соответствуют среднему залогу. В глаголах этого

типа указанное актантное место занимается обычно пустым местоименным объектом, совпадающим с личным местоимением 3 л. ед. ч., заменяющим полноценный объект. Но при некоторых глаголах ингерентный объект выражается личным местоимением, кореферентным подлежащему.

Глаголы с ингерентным объектом встречаются в разных лексических классах, так что эта синтаксическая классификация пересекается с лексической классификацией глаголов. Рассмотрим некоторые примеры.

sáà 'лежать/ложиться'
n'gá bárá á sá
моя мать ПЕРФ ИО ложиться
(мать легла/улеглась)

té 'слышать'
n'bárá á té, i sigáfe Kjá
я ПЕРФ ИО слышать ты уезжать — ПРОЦ Коя
(я слышал, ты уезжаешь в Кою)

rátú 'вспоминать'
kdyinmá bárá á rátú gbálóé má
охотник ПЕРФ ИО вспомнить неприятности о лес в
(охотник вспомнил о неприятностях в лесу)
[Примечание. Тот же глагол *rátu*, употребляемый без ИО, означает "напомнить кому — либо"].

gí 'бежать, убежать'

Àbú bàrā á gí
Абу ПЕРФ ИО убежать
(Абу убежал)

márlóxýn 'думать'

n'bàrā n márlóxýn, n tý sigámá téni
я ПЕРФ ИО думать я не пойти—БУД туда
(я подумал, что не пойду туда)
[Здесь в качестве ИО мы видим местоимение 1 л.
ед. ч., кореферентное местоименному
подлежащему].

А. Г. Белова
(Москва)

ВОКАЛИЗМ ПЕРВИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ В СЕМИТСКИХ ЯЗЫКАХ И В ЯЗЫКЕ БЕДЖА (СЕВЕРОКУШИТСКИЕ ЯЗЫКИ)

0. В работе над реконструкцией корневого вокализма афразийских языков большой интерес представляют, на наш взгляд, некоторые вокалические соответствия между семитскими

языками и одним из кушитских языков Восточной Африки — языком беджа (бедауйе).

1. Как известно, язык беджа относится к наиболее архаичным языкам кушитской семьи и представляет с этой точки зрения большой интерес для афразийской компаративистики.

2. Несмотря на большое количество семитских заимствований в беджа (как из эфиосемитских, так и из арабского), в этом языке можно выделить группу корней, отражающих афразийскую общность по происхождению.

3. При рассмотрении первичных глагольных основ префиксального спряжения в беджа главное внимание исследователей обращается на апофонию гласного в префиксе (А. Заборский), на корневой гласный основы (А. Б. Долгопольский), на морфологическую апофонию переходных и непереходных глаголов (Л. Райниш). Наше внимание привлекает особенность вокализма одной из первичных глагольных основ, которые приводятся в словаре Л. Райниша. В этом словаре первый (непроизводный) глагол представлен тремя основами, называемыми "перфект" — "плюсквамперфект" — "презенс" (Л. Райниш). Те же формы соответственно называются Past — Old Past — Presens (А. Заборский) или "перфект" — "табитатив" — "презенс" (А. Б. Долгопольский). Первые две основы по своей структуре и

происхождению являются наиболее древними (А. Зaborский, А. Б. Долгопольский, И. М. Дьяконов) и восходят к афразийским основам (И. М. Дьяконов).

4. При грамматическом описании этих глагольных основ обычно обращается внимание на изменение гласного префиксов перфекта/плюсквамперфекта. В приводимых примерах гласный основы остается неизменным. Тем не менее, в словаре Л. Райниша обнаруживаются основы плюсквамперфекта (или Old Past/габитатива) с гласными, отличающимися от гласной перфектной основы и основы презенса, напр.: перф. *a-fdig*, плюскв. *i-fdeg*, през. *a-fandig* "развязывать, распускать" и т. п. Это явление не объясняется ни фонетическими правилами беджа, ни грамматическими значениями апофонии.

5. В результате сравнения "отклоняющейся" основы плюсквамперфекта беджа с семитскими имперфектными основами можно обнаружить некоторую регулярность между е—основой беджа и и—основой семитских языков.

6. Следует подчеркнуть, что ряд очевидных заимствований в беджа из арабского не сохраняют в глагольной основе исходный арабский вокализм.

7. Можно предположить, что соответствия бед. *e*: сем. *и* отражают более древний корневой

афразийский вокализм, рефлекс которого сохранился в основе плюсквамперфекта беджа.

М. Б. Бергельсон
(Москва)

НОМИНАЛИЗАЦИЯ В БАМАНА

Описание номинализованных конструкций в бамана должно отвечать, по крайней мере, на следующие вопросы:

- является ли процесс номинализации чисто синтаксическим или он маркируется какими-либо показателями;
- образуют ли отредикатные имена именную группу с помощью показателя ассоциативной конструкции *ka* (ср. *ka determinative* в Dumestre 1987, р. 164) или без показателя, простым соположением членов;
- каковы возможности синтаксического маркирования внутри отредикатной именной группы;
- какие синтаксические позиции может занимать в предложении отредикатная именная группа.

В Bird, Kantè 1976, р. XXX указывается, что безаффиксные отредикатные имена на —

уа противопоставлены по классу образующего глагола: с помощью -уа от стативных глаголов образуются абстрактные имена со значением качества. Безаффиксные имена образуются от динамических глаголов. Формант -li образует имена с процессуальным значением. Примеры в (1) и (2) на первый взгляд подтверждают эту точку зрения.

- (1) a. *ji ka kalan; karam^{жг} be den/denw dege*
вода горяча учитель
ребенка/детей учит
- b. *ji ka kalaya den dege... /den ka dege*
воды тепло; ребенка обучение /детское
обучение
- (2) 1. a. *den dege te diya a ba ye*
ребенка обучение не нравится его
матери
- b. *den dege-li te diya a ba ye*
(то, как) ребенка обучают не нравится его
матери
2. a. *ji kalaya man gelen*
воды нагревание не трудно
- b. *ji kalaya-li ye lere fila ke*
(процесс) воды нагревания часа два занял

В данной работе предлагается иная трактовка функций формантов -уа и -li, в соответствии с которой они не являются носителями лексико-синтаксической деривации, не образуют отпредикатных имен. Номинализация же осуществляется чисто синтаксическими средствами, безаффиксно.

Показатель -уа образует **динамические предикаты с инцептивным значением** от стативов (*kalaya* 'становиться – теплым, нагреваться') и от имен (*fa* – 'отец'; *faya* 'начинать – обладать – отцовскими – ачествами'). Типичный контекст для таких предикатов – это номинализованная конструкция, почему они и воспринимаются как имена. В пользу такой трактовки говорит и то, что у нескольких стативных предикатов, у которых образование динамических инцептивов может проходить безаффиксно (*fin* 'быть/становиться черным'), отпредикатное имя также может и не иметь показателя -уа: чернота – '*fin/finya*'.

Добавление показателя -li не является номинализацией per se, поскольку этот формант модифицирует уже существующее отпредикатное имя, подчеркивая в нем значение **процессуальности**. Это "подчеркивание" может быть факультативным, pragmatischen, а может определяться семантикой предиката: одни по определению являются процессами, а значения других плохо согласуются с этим признаком. Таким образом, если присутствие маркера -li сообщает нечто о коммуникативных целях говорящего, то по

его отсутствию нельзя судить, о том, является ли данная ситуация процессом уместными могут оказаться все три ответа (*да*, *нет*, *неважно*).

В номинализованных конструкциях типа (2) отношение между отпредикатным именем и его актантом однозначно объектное (*den dege* 'обучение ребенка'), чего нельзя сказать о следующих примерах, в которых ролевая структура внутри отпредикатной именной группы "вычисляется" с помощью экстралингвистических знаний.

(3) a. *den ka dege bε waati camat ta*
ребенка обучение времени много берет

b. *Madu ka dege bε wati camat ta*
=1: обучение Маду занимает много времени
=2: (Когда) Маду (кого-то) учит, (это) занимает много времени

Однозначная интерпретация ролевой структуры в (3) а. связана с тем, что дети обычно суть объекты, а не субъекты процесса обучения. В (3) б. различия в интерпретации зависят от контекста: Маду может быть как учеником, так и учителем.

Жесткость ролевой структуры в именных группах типа *den dege* не означает их полной однозначности и по другим параметрам. Существующие противопоставления связаны с употреблениями **дискурсивного тона** при номинализации. Дискурсивный тон, будучи по природе своей маркером прагматической информации, опирается

на ситуацию конкретного дискурса. Для номинализованных конструкций, не имеющих изначально присущих им референциальных характеристик, он оказывается смыслоразличительным. А именно, именная группа *den dege* с тоном типа "\\" означает обучение конкретного ребенка, а с нереферентным тоном "/" — скорее, "детское—обучение". Коммуникативная функция употребления нереферентных отпредикатных именных групп заключается в создании базы для процессов лексикализации. При таком употреблении образуются интегрированные словосочетания, закрепленные за новым понятием. Тем самым они имеют тенденцию к переходу в сложные слова — весьма распространенный способ пополнения лексики в современном бамана.

Теоретически, номинализованные конструкции могут занимать любую именную позицию в предложении. В реальности же чаще имеют место случаи вынесения их в крайние позиции — хотя и без вынесения грамматическая правильность может быть не нарушена. Часто номинализованные конструкции занимают позицию сирконстанта — см. (4) а. Коммуникативная функция такого употребления имеет свою специфику, а именно — отпредикатное имя, представляющее собой максимально свернутую предикацию, позволяет говорящему обозначить ситуацию, не уточняя ее конкретных участников. Вынесению в позицию топика может быть подвергнута любая

номинализованная конструкция, способная занимать позицию подлежащего или дополнения:

- (4) a. *ceni sigilen be kasi la*
мальчик сидел, плача (букв. в₂ плаче₁)
b. *so jo o ye baara ba ye*
дом строить, это есть работа большая
c. *i ka so jo dugutigi ye o*
bali
твоего дома строительство, мэр его
запретил
d. *ka boli kosebe o ka gelən*
бегать хорошо, это есть трудно

Специфика топикализации для номинализованных конструкций хорошо видна на примере (4) d., отличающемся от а. и б. тем, что вынесенная конструкция представляет собой не именную группу, а зависимую предикацию с редуцированным субъектом. Такие конструкции принято называть инфинитивными. Как известно, семантическая разница между инфинитивом и отлагольным именем часто бывает весьма незначительной даже в тех языках, где имеются все основания выделять оба типа конструкций (ср. он начал *работу/работать*). Для бамана сомнение вызывает даже необходимость выделения специального типа инфинитивной конструкции. Представляется, что вопрос об именном или глагольном статусе вынесенной конструкции в (4) d. должен быть оставлен открытым.

Литература:

1. Bird, Kantè 1976. Bird, Charles & Kantè, Mamadu. *An ka bamanankan kalan*. Bloomington: Indiana University Press.
2. Dumestre 1987. Dumestre, Gerard. *Le bambara du Mali: Essais de description linguistique*. Thèse présentée pour le Doctorat d'Etat. Paris: Université de la Sorbonne nouvelle.

В.А. Виноградов
(Москва)

ЧИСЛО И КЛАСС НА ФОНЕ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В соответствии с гринберговской универсалией 36, между категориями рода и числа существует жесткая импликационная связь: если есть род, то есть и число [Гринберг 1965, 140]. Поскольку род можно рассматривать лишь как более формализованную разновидность классифицирующих категорий, принципиально не отличающуюся от иных классификационных типов, которые обнаруживаются в грамматике многих языков, в формулировке указанной универсалии с

полным основанием мог бы фигурировать именной класс. Родо – или классо – числовая импликация, впрочем, казалась сомнительной Б.А.Серебренникову, ибо, как он полагал, "нельзя найти никакой причинной связи между названными явлениями: наличие категории рода не обуславливает категорию числа" [Серебренников 1974, 58].

Разумеется, импликация Гринберга не предполагает обусловленности числа родом, но не об этом сейчас речь. Можно в этой связи привести проницательные слова Э.Бенвениста о том, "что все разнообразные системы "именных классов" функционально аналогичны различным способам выражения "грамматического числа" в языках других типов" [Бенвенист 1963, 58]. Эта глубокая типологическая мысль легко найдет отклик у африканистов, которым давно известно, что "форму множественного числа и именные классы в африканских языках связывает очень многое. Существуют многочисленные переходные формы от одного к другому" [Вестерман 1963, 54].

Классики африканистики недвусмысленно указывали на разнообразие способов выражения числа как на классофорическую характеристику, т.е. такое свойство имени, которое свидетельствует либо об остатках, либо о зарождении классной системы. Именно так трактовал многообразие плуральных форм в хамитских языках К.Мейнхоф, видевший в них наследие былой системы именных классов [Meinhof 1912, 22]; именно в таком духе и еще более

решительно высказывался А.Клингенхебен, видевший истоки именных классов прежде всего в грамматической систематизации на базе числовых противопоставлений, очень часто обслуживаемых в западно – африканских языках исходно деривационными вокалическими аффиксами. "Так гласный аффикс, который первоначально был лишь признаком именного характера, становится носителем не только функции числа, но и смысловой категории" [Клингенхебен 1963, 52].

В этих словах намечена линия формирования классифицирующей грамматической категории: от числа к классу. Но естественно поставить вопрос, откуда берется нестандартность, разнообразие форм множественности, и ответ напрашивается сам собой: из первоначальной собирательности, которая могла качественно варьировать, что и наблюдается в языках разных регионов. Примечательно, что и Б.А.Серебренников решал вопрос о вероятном существовании вprotoуральском языке именных классов, ссылаясь как раз на многочисленность показателей собирательной множественности в именах и показателей фреквентатива в глаголах урало – алтайских языков [Серебренников 1969]. Прямой параллелью к такому подходу являются попытки истолковать разнообразие типов именных основ (типов склонения) в индоевропейских языках как отражение древнейшей системы классов [Жирмунский 1948, 152 – 153].

Таким образом, практика как африканистики, так и других областей языкознания позволяет

заключить, что в рассуждениях об именном строе языков в плане классификативности (будь то типологический или диахронический аспект) исследователи с большей или меньшей степенью эксплицитности опираются на критерий формального многообразия грамматических категорий, которые могут быть сопряжены с категорией класса и которые по своей семантической природе не предусматривают такого многообразия. Например, если категория падежа прототипически ориентирована на неединственность своего формального проявления, то категория числа, а точнее, подкатегория сингулярности или плюральности сама по себе не предполагает разнообразия форм, синонимичных по данному категориальному признаку. И если такое наблюдается, это дает основание думать, что рассматриваемая категория переплетается с классификативной категорией, привносящей формальное многообразие в семантически более единообразную словоизменительную категорию.

Логической основой подобного рассуждения служит признание того факта, что языковые категории находятся в тесной взаимосвязанности, вплоть до взаимопроникновения, которое может проявляться двояко.

1) Категория А служит питательной средой для категории В, зарождающейся в ее недрах и впоследствии либо сосуществующей с ней, либо поглощающей ее (ср. соотношение в разных языках одушевленности и поликлассной системы).

2) Категория А служит контекстом функционирования для категории В (неважно, связанной с первой генетически или нет), и в грамматике это находит отражение в том, что правила для категории В формулируются с опорой на категорию А. Таково, к примеру, соотношение категорий числа и класса в языках банту, гур, атлантических.

Кроме категории числа, критерий формального многообразия применим также к категории определенности – неопределенности, которая, как и число, может быть сопряжена с классификативностью. В этом нет ничего удивительного, так как в основе определенности лежит дейксис, а сфера указания, как и сфера счетности/количества (сюда же можно добавить и сферу принадлежности) – это области проявления денотативной категоризации, предстающей в грамматике в виде системы классов.

Примером языка с интригующим переплетением категорий числа и определенности – неопределенности при наличии достаточного формального разнообразия является язык сонгай. Систематизировав данные, содержащиеся в описании А.Проста, М.Уис прямо ставит вопрос: означают ли они, что сонгай относится к языкам с именными классами? [Houïs 1958, 230]. Если полагать, что семантическая неясность классификации еще не свидетельствует об отсутствии последней, то, прибегая к критерию формального многообразия, мы можем получить

веские формальные основания для констатации зародышевой или остаточной классификативности.

В случае сонгай интерпретация именной системы в плане классификативности затрудняется из-за ярко выраженной несимметричности формальных соотношений. По описаниям А.Проста (диалект Гао) и Ю.Хайдара (диалект Бурен) можно констатировать всего две суффиксальные формы определенного множественного (ОМ): *-wey/-ey* и две же формы определенного единственного (ОЕ): *-a/-o*. (у Ю.Хайдара они даются с низким тоном); неопределенное множественное (НМ) представлено единичной формой *-yal*. Зато неопределенное единственное (НЕ) отличается значительным разнообразием: в исходе существительного возможны гласные *-a, -i, -u* (в Гао также *-o*) наряду с согласными *-b, -l, -r, -m, -n, -ŋ, -w, -y*.

Вообще несимметричность сингулярных и плюральных форм в языках с именными классами — явление обычное, однако здесь мы видим тенденцию к стандартному и единообразному выражению плюральности, и такая тенденция наносит сильнейший удар по стройности классной системы, а тем самым и по ее существованию. Дело усугубляется возможностью разной интерпретации форм ОМ: если у Ю.Хайдара они предстают как маркеры двух больших формальных классов, то в трактовке М.Уиса это фонетические варианты одной морфемы, и тогда в сфере плюральности придется говорить о полном отсутствии предполагаемых

классных различий (по крайней мере, морфологических).

Однако и мономорфемная трактовка ОМ таит в себе неясности. Сравнивая формы типа *bundu* 'палка' (НЕ) — *bundə* (ОЕ) — *bundey* (ОМ) и *koora* 'гиена' (НЕ) — *koorə* (ОЕ) — *koorawey* (ОМ), мы замечаем, что в одних случаях происходит субSTITУЦИЯ показателя ОМ вместо НЕ, в других — наращение (показатель ОМ присоединяется к форме НЕ). Не означает ли это, что при морфемной идентичности показателей *-wey/-ey* различие двух классов тем не менее сохраняется, но посредством различной техники аффиксации? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть и другие случаи, отличающиеся от приведенных не столь ясной морфемикой (ср. *ciraw* 'птица' — *cirə* — *cirawey* [класс *-wey!*], *kaarey* 'крокодил' — *kaarə* — *kaarawey*, *cerkaw* 'колдун' — *cerkə* — *cerkey* и т.п.).

Литература:

- Бенвенист Э. Классификация языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
Вестерман Д. Множественное число и именные классы в некоторых африканских языках // Африканское языкознание. М., 1963.
Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1965.

Жирмунский В.М. История немецкого языка. М.,
1948.

Клингенхебен А. К возникновению типов языков
с именными классами // Африканское языкознание.
М., 1963.

Серебренников Б.А. Существовали ли в
protoуральском языке именные классы? // ВЯ, 1969,
N 3.

Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования
в компаративистике. М., 1974.

Houïs M. Notes sur le songay // Bull. de l'IFAN,
1958, t.XX, sér.B, n.1—2.

Meinhof C. Die Sprachen der Hamiten. Hamburg,
1912.

Н. В. Громова
(Москва)

О ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО АФРИКАНСКИМ ЯЗЫКАМ

В начале 30-х годов в советской России уже
существовала достаточно большая группа
африканистов, что позволило провести первую
отечественную конференцию по африканским
языкам. В Ленинграде в то время работали Н. В.

36

Юшманов, Д. А. Ольдерогге, И. Л. Снегирев, в
Москве — Г. К. Данилов, П. С. Кузнецов.

Первая в России конференция ("Совещание по
африканским языкам при НИАНКП") состоялась в
январе 1934 г. Проводилась она под
председательством Зусмановича. Материалы
совещания были подготовлены к печати в виде
сборника объемом в 10 п. л. В оглавлении указаны
статья Э. Щика "Куда идет африанская община?",
две статьи Г. К. Данилова — "Перспективы, задачи и
методы изучения африканских языков" и
"Фонетическая система языка суахили", две статьи
П. С. Кузнецова — "Изучение африканских языков
в странах Западной Европы" и "О выражении
объектных отношений в суахили", статья И. Л.
Снегирева "Современное состояние и очередные
задачи изучения языков Юго-Восточной Африки",
статья Н. В. Юшманова "Алфавиты, орфография и
транскрипция африканских языков".

Судя по стенограмме, совещание началось с
обсуждения проблем письменности в африканских
языках, в частности, письменности вай и мом. П. С.
Кузнецов отмечал, что эта письменность "развилась
из идеографического письма на местной же
языковой основе". Жирков выступал против
попыток "поддержать эту письменность вайа,
которая там умирает", с его точки зрения, "нужно
отвергнуть эту вайа, так как это не будет
соответствовать развертыванию интернационализма
в африканском письме". Выступление Г. К. Данилова
касалось особенностей графического изображения

37

межзубных звуков, примеры он приводил из языка суахили. Н. В. Юшманов касался также вопросов звукового и графического соответствий ("относительно звука "ы") и, кроме того, общих проблем терминологии.

Давая оценку работы совещания, Г. К. Данилов подчеркивал, что "первый итог совещания сводится к тому, что мы выходим из него с большим плюсом...", следует отметить... исключительное единодушие, которое мы наблюдаем в основном как по докладам общеполитическим, так и лингвистическим". Основную задачу он видел в том, чтобы "поставить лингвистику на службу революции, в частности освобождения колониальных народов, колониальных стран", конкретные же задачи заключались, по его мнению, в продолжении работы над обзором западноевропейской лингвистики, исследовании таких языков, как эфиопский, суданские языки и др., типологии африканских языков.

Г. К. Данилова поддержал И. Л. Снегирев, отметивший, что "в нашей работе проявилось подлинно творческое единение работников теории и практики, возможное лишь в условиях новых форм общественной жизни, наличных в нашей стране строящегося социализма". Он призвал "в первую очередь ... сосредоточить внимание ... на вопросах синтаксиса и проблемах грамматических категорий", а также считал, что "чрезвычайно необходимо популяризовать в широких массах советского

читателя литературное наследство трудящихся Африки путем издания оригинальных переводов".

На совещании было избрано деловое бюро в составе трех человек, из них два лингвиста — Г. К. Данилов (от Лингвистической комиссии НИАНКП) и И. Л. Снегирев (от Ленинградского филиала). Многие положения разработанного ими "Общего плана по разделу лингвистики и этнографии Африканского кабинета НИАНКП", если отбросить идеологическую шелуху, актуально звучат и сейчас, например, пункт 4: "Языковая политика капиталистических стран в африканских колониях. Внедрение европейских языков в колониях. Миссионерский и административный пути их внедрения. Миссионерские работы по составлению алфавита и языковая работа со студентами. Протекционизм капиталистических государств по отношению к искусственно выделяемым в политических целях отдельным языкам. Колониальная школа и вопросы преподавания языка. Вопрос унификации алфавита. Состояние печати. Классовая борьба на современном этапе и взаимоотношения языков между собой. Заимствование из европейских языков. Изменение в синтаксисе языка в газете. Вопрос о современной социально-экономической терминологии". "По линии практической работы" в плане предусматривалось создание новых словарей прессы и социально-экономической терминологии, перевод на африканский языки популярных брошюр на общественно-политические темы и перевод на

русский язык литературных сокровищ трудающихся Африки, создание научных пособий для изучения грамматики африканских языков.

Несомненно, Первая конференция африканистов – лингвистов, подготовленный ими сборник статей и программа работы представляют собой серьезный этап в развитии отечественного африканского языкознания, который, однако, не получил тогда дальнейшего развития в силу известных исторических обстоятельств.

Н. А. Добронравин
(Санкт-Петербург)

ХАУСА-АРАБСКИЙ СЛОВАРЬ "ИГАНА АЛ-МУТА'АЛЛИМ": ЯЗЫК И ГРАФИКА

Одним из интереснейших образцов оригинального лексикографического творчества хауса является хауса-арабский словарь "Игана ал-мута'аллим" ("Пособие для учащегося"). Остаются неизвестными автор словаря, время и место его составления. Рукопись "Игана ал-мута'аллим" была издана как часть сборника арабских текстов с неполным надстрочным переводом на хауса. Время и место публикации также неизвестны.

В самом тексте данное сочинение характеризуется как *kitabu lugghati asma'a tafsiru* (здесь и далее сохранено написание оригинала), т. е. "словарь имен с толкованием", или *lugghat(u) ashya'a* ("Словарь вещей").

"Игана ал-мута'аллим" включает более 500 арабских слов с переводом на хауса в арабской графике (аджами). Слова расположены по тематическому принципу. Разделы специально не выделяются, однако легко вычленяются в тексте: "Числительные", "Месяцы", "Цвета", "Категории людей", "Глаголы, предлоги и местоимения", "Домашняя и сельскохозяйственная утварь, одежда", "Пища", "Физические недостатки", "Части тела", "Страны света", "Пророки и святые", "Животные", "Растения". По подсчетам самого составителя словаря, в него вошло 632 слова (*ism*).

В разделе "Числительные" представлены порядковые числительные от 1 до 20. Почти все гlosсы хауса представлены в литературной форме. Исключение составляют *shidda* '6' и *goma sha shidda* '16' с геминацией *dd*, а также *ishrin* '20' (арабск. *'ishrīnā*) вместо современного литературного варианта *ashirin*.

В разделе "Месяцы" даны названия месяцев по мусульманскому календарю, как заимствованные из арабского языка, так и собственно хаусанские, например: *watan cikaciki* 'мухаррам', *watan takutaha* 'раби' ал-авваль', *watan azumīn tsofafi* 'раджаб' и др. Этот раздел завершается арабским предложением без перевода на хауса: *Inna iddata*

as-shuhuri sinda Allahi ithna sashara shahran fi kitabi Illahi "Воистину, число месяцев у Аллаха – 12 в книге Аллаха".

Возможно, разделы, посвященные числительным и месяцам года, следует рассматривать как позднейшую интерполяцию. Дело в том, что только после них следуют обычные для начала мусульманских текстов басмала и прославление пророка Мухаммеда, а также вводная фраза *Hadha kitabu lugghati astma'a tafsiru wa hiya ta-kapi* "Это словарь имен с толкованием, а именно...", предпосланная основной части словаря.

В разделе "Цвета" определенный интерес представляет вокабула *asfaru* (правильно — *aṣfari*) 'желтый' с гlosсой хауса *fatsi*. В современном литературном хауса Нигерии *fatsi* имеет значение 'light red-skinned person', тогда как желтый цвет описывается названиями *rawaya* и *ruwan dorawa* (букв. "сок дерева паркии"). По-видимому, данное цветообозначение отличается в хауса значительной неустойчивостью. К примеру, в переводе на хауса сказок 1001 ночи мы находим фуланизм *ole* 'желтый', а в хауса Адара (по Б. Карону) — наименование *balge* и *fis'arin doki* (букв. "конская моча") 'jaune'.

Диалектизмы, в том числе не зафиксированные в других словарях языка хауса, встречаются и в других разделах словаря, например: *sarmayyi* 'юноша' (в форме *sarmayi* это слово хорошо известно в североzapадных диалектах, например, в хауса Адара и соответствует литературному *saugrayi*).

-kashe 'быть, становиться' (эта словоформа характерна для старохаусанских текстов и переводов "1001 ночи"; в современном литературном языке хауса Нигерии вместо *kashe* употребляется производная от той же основы лексема *kasance*), *wancananka* (соответствует арабскому *dhalika* 'тот'; встречается и в некоторых современных переводах Корана на хауса), *wanape* (глосса к арабскому *tilka* 'та'; возможно, вариант лексемы *wannana*, зафиксированной в других словарях языка хауса наряду с литературным *wannan*), *kullufi* 'долото' (вместо отмеченных в словарях хауса словоформ *kulfi* и *kurfi* с тем же значением), *zumiwa* 'мед' (вместо современного литературного *zuma*) и др. Особенно много диалектизмов среди приведенных в словаре названий растений.

В "И'ана ал-мута'аллим" встречаются и особые графемы, отсутствующие в большинстве текстов хауса. Так, например, и палатализованные, и лабиализованные (*kw*, *gu* и др.) могут передаваться при помощи дополнительной диакритики (три точки над буквой). Кроме того, в словаре встречается необычный с точки зрения современного аджами Нигерии способ передачи долготы гласного при помощи вава, алифа или я, с сукуном. Использование букв — показателей долготы с сукуном, возможно, связано с описанной еще А. Мишлихом "средней долготой" или, что более вероятно, со следами среднего тона, сохранившегося, к примеру, в близкородственном языку хауса языке гвандара.

Следует заметить, что точное толкование глосс хауса в ряде случаев затруднено тем, что автор или переписчик текста словаря не очень хорошо знал литературный арабский язык. Об этом свидетельствует использование в переводах на хауса родственных, но не эквивалентных по значению словоформ (единственное вместо множественного, прилагательное вместо имени качества и т. п.). Есть и некоторые необычные начертания в арабской части словаря, возможно, из-за ошибок переписчика, например, замена лама и лади в слове *al-filu* (хауса *giwa*) 'слон' (в хауса буквы лам и лади читаются одинаково).

В заключение я хотел бы выразить благодарность профессору Штефану Райхмуту и другим коллегам, без чьей помощи мне не удалось бы ознакомиться со словарем "И'ана ал-мута'аллим", который относится к до сих пор мало изученным памятникам лексикографии хауса.

А. Ю. Желтов
(Санкт-Петербург)

СУАХИЛИЙСКИЕ ИМЕННЫЕ КЛАССЫ И РУССКИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ: СТРУКТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Данная работа посвящена типологическому сопоставлению элементов двух подсистем: префиксов именных классов суахили и русских именных словообразовательных суффиксов. Прежде всего, сформулируем основные методологические принципы, на которые опирается представленный анализ.

1. Когда сопоставляются типологически и генетически заведомо разные языки, обычно имеется в виду описание различных способов выражения ими тех или иных функциональных категорий (таких как время, императив, число и т. д.). Однако далеко не всегда язык обладает специальными средствами для выражения данной категории. В данной работе сделана попытка изменить направление анализа. Здесь анализируются не различные способы выражения языками одной и той же категории, а делается попытка найти схожие формальные (структурные, а не функциональные) средства для выражения различных категорий.

2. Когда сопоставляются африканские и европейские языки, обычно в африканских языках пытаются выявить категории общего языкознания, традиционно базирующиеся на индоевропейском материале. В данной работе сопоставление ведется в обратном направлении — делается попытка выявить, какими средствами русского языка могла

бы быть выражена категория именного класса (характерная для языков банту). Толчком к проведению подобного анализа послужили крайне интересные наблюдения в этой области, представленные в работах К. И. Позднякова.

В некоторых моментах материал двух языков делает возможными крайне схожие формулировки. Здесь хотелось бы привести одно определение.

"В системе ... образования имен существительных могут быть выделены пять основных рядов явлений:

1. способы ... образования названий лиц (мужчин и женщин);
2. способы ... образования названий животных;
3. способы ... образования названий предметов (включая сюда названия орудий действия и названия места);
4. способы ... образования слов с отвлеченным значением;
5. способы ... образования слов со значением уменьшительности, ласкательности, увеличительности и т. п."

Данное определение выглядит как краткое определение системы именных классов в языках банту. На самом же деле это определение русского суффиксального словаобразования, в котором опущены слова "суффиксального" (а, в некоторых случаях, и "приставочно-суффиксального") после слова "способы". Данное определение взято из академического издания Грамматики русского языка (с. 211). Подобное сходство в определении совершенно различных подсистем представляется

тем более значимым, что именные классы часто характеризуются как чисто согласовательная категория (ввиду сложности определения семантики многих именных классов), в то время как русские словообразовательные суффиксы по определению семантически значимы. Структурное сходство можно наблюдать и во внутренней организации обсуждаемых подсистем.

Прежде всего, рассмотрим семантические группы, включенные в 5 именной класс суахили, и семантические группы, оформленные русским суффиксом **-ин-** (некоторые подобные параллели можно найти в работах К. И. Позднякова).

ji/0

-ин-

выделительность

один из пары: *ji-cho/ma-cho* *штан-ин-а/штан-ы*

"глаз/глаза"

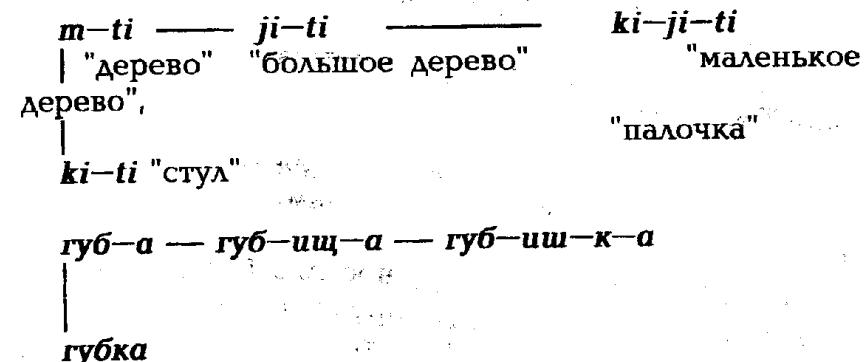
один из множества: <i>j-ino/meno</i>	<i>бус-ин-</i>
<i>a/bus-ы</i>	"зуб/зубы"
увеличительность	<i>ji-tu/m-tu</i>
<i>ин-a/дом</i>	<i>дом-</i>
	"великан/человек"
плоды, предметы	<i>0-boga/m-boga</i>
<i>тыкв-ин-a /</i>	
круглой формы	<i>ыква(плод)/тыква(раст.)</i> <i>тыкв-</i>
<i>a</i>	
	<i>0-пуапуа/m-пуапуа</i>
<i>помидор-ин-a/</i>	
<i>помидор</i>	"помидор(плод)/ помидор(раст.)"

Хотя лексемы, в некоторых случаях, различны, семантические группы совпадают.

Еще одна параллель заслуживает, с нашей точки зрения, интереса. Для выражения диминутива в суахили используется не только диминутивный префикс *ki-*, но и более сложная конструкция, *ji-* — показатель выделительности/увеличительности + *ki-* — показатель диминутивности (*ki-ji-tu* < *ji-tu* < *m-tu*). Часто подобный тип диминутива образуется, когда простое сочетание показателя *ki-* с именной основой "занято выражением

"предметности", что также является одним из значений имен этого именного класса: *ki-tu* "вещь". Подобный процесс можно наблюдать и в русском языке: когда уменьшительный суффикс *-к-* обладает значением предметности (*рук-a* > *руч-к-a*), появляется форма диминутива, выражаемая конструкцией "аугментатив + диминутив":

рук-a > *руч-ищ-a* > *ручиш-к-a*.

Помимо выражения диминутивности и предметности, суффикс *-к-* и префикс *ki-* оформляют имена ряда других общих семантических групп:

болезни *ки-fafa* "эпилепсия"
ветрян-к-а

имена, производные от глаголов:

место действия: *ki-kao* "местонахождение",

мой-к-а "база" (наряду с др. знач.) (от

от *kaa* "жить", "сидеть"

процесс действия: *ki-cheko* "смех"

чист-к-а от *cheka* "смеяться" (от

чистить)

инструмент *ki-funiko* "крышка"

отверт-к-а действия: от *funika* "накрывать" (от
отвертывать)

Можно найти параллели между русской и суахилийской именными системами в корреляциях по единственности/множественности/собирательности. Ряд имен 11 класса коррелируют по числу с двумя классами: 6 и 10, при этом у слов 6 класса выделяется значение совокупности. И в русском языке ряд имен (причем с семантикой, характерной для имен 11 класса суахили — вытянутая или плоская форма) образуют множественное число по двум моделям:

u-fumbi — *o-fumbi* **волос** — **волосы**

"лощина", "балка"

ta-fumbi

волосья

u-pepe — *o-pepe*
"кожура фасоли"

лист — **листы**

ta-pepe

листья

Интересно, что в образовании форм множественного числа с совокупным значением участвует, наряду с окончанием, суффикс *-й-*, который не имеет другого (кроме совокупно-собирательного) значения и прослеживается также в формах единственного числа со значением совокупности: **воронье**.

А. А. Жуков
(Санкт-Петербург)

ОБ ИСТОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА СУАХИЛИ: II. КИАМУ

Литературно-письменный язык суахили в своём историческом развитии прошёл несколько этапов. На ранней стадии, вероятно, важную роль сыграл кингози (или кингови) — язык служителей культов доисламского периода — ваганга, хранителей обрядовых церемоний и певцов-сказителей — маленга, манджу, мнгои (последнее слово является однокоренным с кингови). Это был язык образования и воспитания (инициации), словесной культуры, он обладал неким общим, если можно так сказать, наддиалектным характером. Поэзия, на кингови представляла собой ранние формы суахилийской литературной традиции (см. подробнее [Жуков 1992]).

Позднее под влиянием народно-разговорной основы — диалекта города Ламу, который стал играть значительную роль в экономической и культурной жизни суахилийского побережья, он постепенно уступил киаму функции поэтического (литературного) языка. Именно на киаму созданы старинные литературные памятники. Киаму проявлял себя как язык образования (коранические школы, валиму, шехе) и поэзии. Он является

наиболее ярким представителем северной группы суахилийских диалектов и считается одним из базовых диалектов суахили. Впервые идея о северной диалектной основе языка суахили (и его литературной формы) была высказана еще Л. Крапфом: "... истинною родиною языка суахили должны считаться острова Пате, Ламу и материковые территории, лежащие против этих островов" ([Krapf 1850]). Краткая характеристика киаму: фонетика, морфология.

Следует подчеркнуть, что все-таки не Ламу, а город Пате играл ведущую роль в регионе на протяжении нескольких столетий. Хотя и существует "Хроника Ламу" (известен единственный текст, опубликованный У. Хиченсом в 1938 году), в науке более известна "Хроника Пате" в нескольких версиях (публикации Ч. Штигенда, А. Вернер, М. Хипе).

Принято считать, что кипате — диалект (говор) города Пате — практически не отличается от киаму. Подобная точка зрения стала общим местом в суахилийской диалектологии. Но так ли это на самом деле? Строго говоря, нет сколько-нибудь подробных описаний кипате; существуют лишь краткие списки слов в старых сопоставительных словариках диалектов суахили. Недавняя блестящая работа М. Толмачевой ([Tolmacheva 1993]), содержащая старосуахилийские тексты, их транскрипцию в латинской графике, перевод на английский язык и комментарии к семи версиям "Хроники Пате", дает языковедам возможность

М. И. Каплун
(Москва)

О РЕГИСТРОВОИ ПРИРОДЕ СРЕДНЕГО ТОНА В ЯЗЫКЕ ЙОРУБА

Основу тональной системы языка йоруба традиционно составляют три тона — высокий, средний и низкий. Однако вопрос о качестве тонов в йоруба является достаточно спорным. Если исходить из самой терминологии, принятой сейчас в йорубистике (высокий, средний, низкий), то складывается впечатление, что характер и природа этих тонов обусловлены регистровыми противопоставлениями. Достаточно разные суждения проистекают во многом из-за того, что до сих пор не были функционально интерпретированы акустические параметры контура и регистра, поэтому приступая к созданию искусственных моделей тонов йоруба, мы поставили задачу выяснить функциональную зависимость регистровых, контурных, интервальных значений и определить характер их взаимодействия.

Для проведения экспериментального исследования были взяты 24 слога (гласные звуки) в изолированном произнесении, которые были начитаны на магнитную пленку 4-мя дикторами. Для анализа тонов в качестве экспериментального материала была взята модель V, а не CV, так как известно, что в тональных языках просматривается тенденция сводить до минимума эффект согласных звуков перед гласными, чтобы ярче оттенить тоны и обеспечить их правильное восприятие. И все же влияния глухих и звонких согласных на следующие

Литература:

Жуков 1992: Жуков А. А. Об истоках литературного языка суахили: I. Кингози. — В кн.: Социо- и этнокультурные процессы в современной Африке. Материалы конференции. Симферополь, 1991. М., 1992, с. 18–24.

Krapf 1850: Krapf L. Vocabulary of six East—African languages (kisuhili, kinika, kikamba, kipokomo, kihiau, kigalla). Tübingen, 1850, p. V.

Tolmacheva 1993: Tolmacheva M. The Pate Chronicle. African Historical Sources n. 4. Michigan State University Press, 1993, XIV, 607 pp.

за ними гласные — тононосители избежать нельзя. Вот почему для анализа и синтеза тонов йоруба была выбрана слоговая модель V.

Начитанный на пленку материал был предъявлен аудиторам, которым было предложено определить первоначально тоны, а затем сегментный состав. Такой дифференцированный подход был продиктован тем обстоятельством, что, как показывают данные психоакустики, супрасегментные средства и тоны (в этом они сближаются) значительно устойчивее, чем сегментные единицы; поэтому верно определив предложенные тоны и признав их (тоны) соответствующими всем орфоэпическим нормам языка йоруба, аудиторам впоследствии было значительно проще опознать сегментные единицы, особенно в случаях открытых и закрытых гласных "е" — "ε" и "о" — "ɔ".

Необходимо отметить, что экспериментальный материал состоял из одних и тех же сегментных единиц, каждая из которых, выступая в качестве отдельного слова — слога, обязательно была тонирована определенным образом и имела свою определенную семантику.

Для слогов со средним тоном йоруба характерно, как правило, константное значение F_0 . Самым удачным вариантом синтезированных слогов со средним тоном были признаны реализации, у которых ровное движение F_0 осуществлялось в

среднем регистре¹. Удачными оказались и те искусственные модели среднего тона, у которых ровное распределение частот нарушалось в конце звучания повышением (м. секунда — б. секунда) и понижением (м. сек. — б. секунда) основного тона. Однако такие изменения частоты основного тона не мешали аудиторам правильно опознавать этот тон, так как скорость образования этих восходящих и нисходящих интервалов не ассоциировалась в данной просодической системе с другими тонами.

При моделировании среднего тона необходимо было выяснить функциональную значимость регистровых характеристик этого тона для его однозначного восприятия. С этой целью в тех искусственных вариантах среднего тона, которые характеризовались аудиторами "как близкие к естественному среднему тону" в диапазоне 120—160 Гц с ровным частотным контуром или небольшим скольжением Ч.О.Т. в сторону повышения или понижения (м. секунда — б. секунда), был изменен только регистр, т. е. было создано десять вариантов этого тона с ровным частотным контуром в диапазоне 170—200 Гц, которые были предъявлены аудиторам. Однако все эти реализации аудиторы забраковали. В тех случаях, когда константное движение основного тона локализовалось в низком

¹ Регистровую шкалу в языке йоруба для мужских голосов, близких к баритональному тенору, можно условно разделить на три регистра: низкий (90—115 Гц), средний (120—160 Гц), высокий (165—200 Гц).

регистре, аудиторы квалифицировали эти реализации как "неестественные со средним тоном" или "неестественные с низким тоном", синтезированные реализации среднего тона в высоком регистре также оценивались как неудачные. Эта неестественность, по мнению аудиторов, создавалось регистром (высоким или низким), не характерным для среднего тона.

При анализе среднего тона йоруба сразу обращает на себя внимание время звучания слов этой тональной категории, тем более, что в традиции йоруба длительность рассматривается как один из главных функциональных аспектов выделения этого тона. Исследование тонов в изолированных слогах и в контексте типа *Bajniandun ede Yoruba* показало, что длительность среднего тона регулярно больше на 60–130 мсек, чем в аналогичных реализациях с высоким и низким тонами. Вот почему при синтезе слов со средним тоном необходимо было создать продолжительный участок фонации (300–500 мс), чтобы компенсировать возможные недостатки моделирования F-структуры слов.

Эксперименты на восприятие варьированных по длительности слогов со средним тоном показали, что слоги, длительность которых 450–500 мс, близки к естественным реализациям, слоги же в 600–650 мс воспринимаются носителями как "вялые", а в 240–260 мс — как "неясные по тону".

Таким образом, анализ и синтез среднего тона дает возможность предположить, что средний тон,

пожалуй, оправдывает свое традиционное в йорубистике название — средний, что говорит о регистровой природе его, т.к. во всех тоноритмических моделях в сочетании с высоким и низким тонами средний тон постоянно сохранял ровный контур в среднем регистре.

Таблица 1.

Сводная таблица акустических характеристик слогов со средним тоном

Категория	t (мс)		F ₀ (Гц)	Акцентуальная нагрузка	Максимальная амплитуда		
	макс	мин	регистр	контура	частота		
1	300	260	2	восх.— ровный	б. сек.	25	1
2	430	420	2	ровный	—	20	1
3	360	300	2	восх.— ровный	м. сек.	20	5
				ниж.— ровый	— б.сек.		
4	320	280	2	ровный	— —	28	1

В таблицах 2, 3, 4 представлена формантная структура слогов со средним тоном, которым аудиторы дали хорошую оценку.

Таблица 2.

Формантная структура слога "и".

	1	2	3	4	5
	40	40	80	80	80
	125	125	125	125	125
	310	310	310	310	310
	0,085	0,085	0,085	0,085	0,085
	3680	3680	3680	3680	3680
	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08

Таблица 3.

Формантная структура слога "а"

	1	2	3	4	5
	20	80	80	80	80
	125	125	125	125	125
	920	920	920	920	920
	0,5	0,5	0,5	0,5	0,3
	1260	1260	1260	1260	1260
	0,03	0,1	0,1	0,1	0,0

Таблица 4.

Формантная структура слога "о"

	1	2	3	4	5
	40	80	140	80	40
	125	125	125	125	125
	560	560	560	560	560
	0,03	0,8	0,8	0,8	0,8
	1460	1460	1460	1460	1460
	0,01	0,1	0,1	0,1	0,0

Примечание: Во всех таблицах синтеза даны частотные (Гц) и амплитудные (мВ) значения формант на всем протяжении звучания слога; значения представлены во временных интервалах разной протяженности: от 20 до 140 мс. В первой горизонтальной строке таблиц указан порядковый номер интервала (№), во второй — время звучания (t). Формант всего две: F_1 и F_2 . Градаций амплитудных значений три: от 0,5 до 1 — max-амплитудам, от 0,095 до 0,5 — mid-амплитудам, от 0,03 до 0,085 — min-амплитудам. Общий динамический диапазон 30 дБ.

А.А.Кибрек
(Москва)

ПОДДЕРЖАНИЕ РЕФЕРЕНЦИИ В ЯЗЫКЕ СЕРЕР

1. Поддержание референции в предложении и в дискурсе достигается благодаря по крайней ^{мере} ~~двум~~ различным (хотя и взаимосвязанным) механизмам. Первый механизм обычно называют анафорой. Суть этого механизма состоит в том, что референт, который в данный момент выделен когнитивно (активация в памяти говорящего) или синтаксически (напр., кодирование в предтексте при помощи

подлежащего), обозначается специальным семантически редуцированным средством — местоименной или нулевой ИГ. Однако очень часто бывает, что выделено более одного референта, и тогда анафорического средства самого по себе недостаточно: язык должен располагать какими-то способами разрешения неоднозначности, или референциального конфликта (РК). Это и есть второй механизм, участвующий в поддержании референции. Типологически, существует большое разнообразие морфосинтаксических средств снятия РК. Все эти средства представляют собой некоторый способ классификации референтов, позволяющий противопоставить два одновременно выделенных референта.

2. Языки, располагающие системой именных классов, часто используют ее в целях разрешения РК. Это явление может иметь двоякое объяснение: либо язык использует уже готовый классификационный ресурс для реализации pragматической потребности, либо именные классы, как раз и существуют и сохраняются в языке в силу их участия в процессах разрешения РК.

Примером языка, активно использующего богатую именную классификацию для поддержания референции, может послужить западно-атлантический язык фула. В фула одна из наиболее очевидных функций именных классов — различение референтов при РК. Каждому классу соответствует особое местоимение 3 лица. (Помимо классных

местоимений существуют и другие средства поддержания референции.)

3. Другой западно-атлантический язык, серер, также располагает достаточно разветвленной системой именных классов (всего 15). Класс существительного обозначается посредством двух энклитических показателей класса (ПК). Первый из них, препозитивный, сопровождает существительное всегда (хотя для некоторых классов является нулевым). Второй, постпозитивный, — лишь в случае определенности данного существительного; к этому показателю суффигируется определенный артикль или указательное местоимение. Ср. формы от корня *sek* 'курица':

(1) a.	<i>sek</i>	'курица'
(неопр.)		
Препоз. ПК	курица	
б.	<i>sek al-</i>	<i>e</i>
'курица (опр.)'		
Препоз. ПК	курица	Постпоз. ПК — ОПР

В отличие от фула и многих других африканских языков, в серер система именных классов никак не используется для поддержания референции. Местоимения 3 лица не различаются по классам.

4. Для разрешения РК в серер используется совершенно иная система классификации референтов. Эту классификацию можно назвать

текущей (в отличие от стабильной системы именных классов). Референты противопоставляются в этой системе по текущей выделенности. Рассмотрим употребление подлежащих местоимений 3 лица *a* (по числу не различается) и *ta* (Pl. *da*).

5. Простое предложение.

(2) a. *a_i / ta_j moof no deek le*

'Он сел на стул'

б. *o koor oxe_i (a_i) moof no deek*

le 'Мужчина (он) сел на стул'

Предложение (2б), начинающееся с полной ИГ, факультативно содержит местоимение *a*, которое в этом случае выступает в качестве подлежащего, кореферентного вынесенному топику. Употребление *ta* в этой позиции невозможно.

6. Сложное предложение.

(3) *Ngoor_i a_i fad o njač onge_j . a ... a_i*

yuf 'Нгор (он) ударил мальчика [и] убежал'

б. ... *ta_j*

yuf

убежал

Выбор анафорического местоимения предопределется синтаксическим статусом антецедента: если антецедент был кодирован подлежащим, то используется местоимение *a*, а если не подлежащим — то *ta*. Таким образом, серерская система классификации референтов весьма напоминает систему логофорических местоимений, не менее характерных для африканских языков, чем именные классы.

7. Дискурс.

Тот же принцип используется и в серерском дискурсе: выбор местоимения зависит от синтаксической роли антецедента. Если в данном фрагменте дискурса активизирован один референт, то весьма вероятно образование цепочек предикаций с подлежащим в виде местоимения *a*: для каждой очередной предикации предшествующее упоминание данного референта оказывается подлежащим. Если активизировано два референта, то также возможны длинные цепочки предикаций, не включающих семантически полных наименований этих референтов. Оказывается, и в этом случае говорящий в состоянии обойтись лишь местоименными формами, чередуя *a* и *ta*:

[и] тот

(4) *aj*

cooxa suk-fambei,

ta_i laq

o

Он [лев] дал козлу [кусок шкуры], тот спрятал

bay ole <...> no ndog onGe, aj soob teen soob teen,

руку <...> в калебасу, он окунул туда, окунул туда,

*boo kiin
jektir fo*

waagiran o

так что кто-либо [=никто] не смог бы отличить от

*siim, ta_i lay-nj-ee: "oxene koy <...>
kooj*

меда, [и] (он) сказал ему: "Вот это же <...> ты

*duudkan rek!" ta_j dal fo yaafat,
ta_i*

проглоти разом!" Тот [=лев] начал разевать пасть, он

naangam no tenj sabuuh!
ta_j

сделал в него хрусь! [=втолкнул в него] Тот

duudin <...> *aj* *lay* <...> *taai*
проглотил это <...> [и] (он) сказал <...> Он
[= козел]

lay-nj-ee   *boo*   *oj*   *bat'u*   *sax.*
taj

сказал ему чтобы ты [=он] добавил того же.
Тот

dakwo *naang* *wereet*
<...>, сделать хват! [= оторвал еще
вернулся кусок] <...>

a_j cood— i_n_i, t_a_i soob no tiganam ke.
(он) передал ему, тот окунул в вещь эту
[калебасу].

taj nologilin, aj nologilin...
ТОТ ГЛОТНУЛ, (ОН) ГЛОТНУЛ...

8. Система текущей классификации референтов, используемая в сервер, одновременно чрезвычайно экономна и эффективна. Один из типологически существенных вопросов, которые она побуждает задать, состоит в следующем. Следует ли из того факта, что достаточно разветвленная система именных классов может не использоваться

63

для поддержания референции, что поддержание референции не входит в число фундаментальных функций именных классификаций? Если ответ на этот вопрос положителен — значит, использование именных классов в целях поддержания референции — это всего лишь применение "подручного средства", имеющего (вероятно) какие-то другие основные функции. Однако нельзя исключить и возможность, что серерская ситуация просто представляет собой некий этап в разрушении классной системы, на котором ее существенная функция отпала, но сама именная классификация "по инерции" еще сохраняется.

Примечание. Примеры были получены мной в процессе работы с информантом Салиу Диенгом в 1986–87 гг. Фрагмент дискурса заимствован из работы: Diop – Fal A. (без даты). *Les nominaux en Serer-Siin (parler de Jaxaaw)*. Paris: Université de la Sorbonne.

В. Т. КЛОКОВ
(Саратов)

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ ФРАНКОГОВОРЯЩИХ АФРИКАНЦЕВ

Во французском языке Африки употребление форм обращения отмечено некоторой спецификой местного (традиционного и современного) и европейского (колониального и современного) этикета. Большую роль при этом играют имена собственные и термины родства (африканцы охотно обращаются друг к другу по имени, а когда имя неизвестно, предпочтение отдается термину родства).

Что касается имен собственных, то африканцы могут иметь их, как известно, не одно, а несколько: имя по событию, имя по дню рождения, приветственное имя, ласкательное имя, имя "ссоры", дружеское имя и т. д. У европейцев также имеется несколько имен: фамилия, имя, ласкательное имя, прозвище и др. Часто французское имя отражает принадлежность человека к определенной социальной группе. Но, как нам представляется, в Африке имя человека социально более заряжено, чем в Европе. Дело в том, что африканское имя, как правило, мотивировано символизмом, с которым оно связано благодаря прозрачности своей внутренней формы. Европейское же имя далеко не всегда мотивировано; кроме того, большинство современных европейцев не владеет ключом к именной символике.

В качестве формы обращения имя собственное по-разному функционирует во французском языке Африки и в собственных языках африканцев. В автохтонных языках употребление имен собственных подчинено строгим правилам: нельзя,

как вздумается, употреблять имя взрослого человека, дети не должны произносить имя родителей, жена должна обращаться к мужу не по имени, а прибегая к помощи разного рода перифраз. Но в момент пользования европейским языком африканцы чувствуют себя за пределами традиционной культуры, что позволяет им преодолевать этнические запреты. В этих условиях то, что запрещается выражать на родном языке, разрешается говорить на языке европейцев. В итоге многие африканцы вместе с аутентичным именем получают имя христианское, даже если они и не проходили обряд крещения.

Чувство клановой и этнической солидарности постоянно проявляется в речи африканцев. Большое значение при этом имеют термины родства, причем в речи на французском языке для них самыми распространенными являются *frère* и *sœur*. Ими пользуются как родственники, так и просто знакомые и незнакомые люди. Слово *frère* употребляют между собой дети одних родителей, подростки, а также взрослые мужчины, проживающие в одной деревне или в одном городском квартале. Оно используется как форма обращения в среде мужчин, принадлежащих к одной половозрастной или этнокультурной общности. Соответственно этому, *grand-frère* — форма обращения к любому более старшему, чем собеседник, мужчине (слово *grande-sœur* в этом значении не употребляется; оно относится лишь к старшей сестре или к старшей кузине). Со своей

стороны, *petit-frère* — форма обращения к младшему по возрасту мужчине или юноше.

Пожилых африканок в Африке все зовут *mamat*, *mata* или *mame*. Причем эти термины часто сопровождаются именем собственным. В Заире они могут употребляться вместе с именем сына, например, *Mamat Arthur*. В Руанде и Заире слово *mamat* используется также при обращении к тетке.

В Сенегале женщины говорят *mon mari* не только мужьям, но и братьям своих супругов. Слово *oncle* употребляется в обращении к любому знакомому или незнакомому мужчине. *Papa* — слово, которое ребенок может обращать к брату своей матери.

Существование государственности заставляет прибегать к официальным формам обращения. В связи с тем, что во французских и бельгийских колониях государственным языком был французский, официальными формами обращения там стали французские термины. Так, вначале все африканцы были названы европейцами *sujets*. В 1916 г. жители Четырех Коммун получили статус граждан и стали называться *citoyens*. В 1946 г. этот статус получили жители прочих французских колоний. Европейцев же в Африке всегда называли *Monsieur*, *Madame*, *Mademoiselle*.

В первые годы независимости отдельные правительства предложили новые официальные формы обращения. В Гвинее, Мали, Дагомее и Габоне таковой стало слово *camarade*. Однако после известных политических преобразований данная

форма вышла из употребления. В Заире президентским указом была легализована в качестве официальной форма *citoyen(ne)*. В других странах франкоязычной Африки со времени независимости была принята собственно французская система обращения: *Monsieur*, *Madame*, *Mademoiselle*. В сегодняшней Африке эта терминология употребляется довольно специфично. *Monsieur* относится прежде всего к европейцам и к представителям африканской элиты (в Заире *Monsieur* называют также чернокожих учителей). *Madame* является почти исключительно формой обращения к белой замужней или незамужней женщине (в Заире со словом *Madame* обращаются также к замужней или незамужней учительнице — африканке). Слово *Mademoiselle* в Африке встречается исключительно редко. Здесь незамужних женщин зовут *Madame*.

Кроме этих собственно европейских терминов, во французском языке Африки встречаются специфические локальные формы обращения. Это главным образом титулы местной знати, названия которых заимствованы из местных языков: *brack*, *damel* (Сенегал), *fama* (Мали), *fia* (Того), *naba*, *nabiga* (Буркина Фасо), *bami*, *mfumi* (Заир), *twami* (Руанда), *tsira* (Габон).

Наряду с терминами, несущими ярко выраженную социальную нагрузку, в речевом этикете франкоязычных африканцев встречаются формы обращения, вскрывающие индивидуальные

(моральные, интеллектуальные, физические, психические и проч.) качества. Как правило, все они носят эмоционально — оценочный и экспрессивный характер. В африканском обществе с преимущественно устной традицией эти формы играют важную роль стереотипизации моральных ценностей этноса. Среди соответствующих форм выделяются те, что обращены к пожилым людям и связаны с выражением уважения к преклонному возрасту. Особенно многочисленна соответствующая автохтонная лексика: *baba* (Кот-д'Ивуар), *kaso* (Камерун), *aba* (Чад), *togbi* (Того) и др. Иногда эти формы сопровождаются именами собственными: *baba Samba*.

В речи молодежи встречается много терминов дружеского обращения. Наряду с собственно французской лексикой (*ami*, *camarade*, *copin* etc.) часто слышны африканизмы: *asso* (Мали), *homo* (Камерун, Буркина Фасо, Чад). В Кот-д'Ивуаре молодые люди дружески обращаются друг к другу, говоря *mon intime*. В данном же употреблении в Мали и Буркина Фасо встречается слово *jo* (аббревиатура от имени *Johnny Halliday*). В Кот-д'Ивуаре юноши говорят другу *man* (заимствование из английского), в Нигере — *joman*.

Формы ласкового обращения между мужчинами и женщинами также часты. В Мали и Кот-д'Ивуаре любимой женщине говорят *ma gadi*, *ma go*; в Заире — *ta ngudu*, в Камеруне — *ta nga*. Здесь же встречается и собственно французская лексика: *mon*

cher-coco, *ton oncle*, *ton papa*. Кстати, слово *papa* в качестве ласковой формы обращения может относиться не только к взрослому человеку, но и к ребенку.

Особенно многочисленна пейоративная лексика. Характерными в данной функции являются термины, относящиеся к профессиям: *képi*, *mange-pay* (полицейский), *homme-femme* (католический священник), *badalo*, *kayakaya*, *baragnini* (бездработный).

К категории пейоративных относятся формы, обращенные к африканцам, передающие европейский образ жизни. Во всех странах франкоязычной Африки известны такие термины, как *petit Blanc*, *toubab noir* и проч. В Заире в данном употреблении встречаются слова *mizingi*, *mundele*, *nassara*. Как довольно ироничные выступают формы, адресованные снобам — африканцам, побывавшим в Европе. В Того их называют *been-to*, в Заире — *je-le-connaît*, в Мали — *patre*, в Нигере — *mouché* (от *Monsieur*). К европейцам также нередко обращаются с пренебрежением: *Belgicain* в Заире, *oreilles rouges* в Мали и Буркина Фасо. Немодно одетого, неграмотного и отсталого африканца здесь назовут *broussard* (в отношении к белому человеку это слово, напротив, отмечено положительно: *broussard* — это тот, кто хорошо знает Африку, ее жителей, традиции и языки). В Нигере отсталых африканцев зовут также *indigène*, *kaouillard*, в Руанде — *collinard*, в Заире — *misenji*. Очень пейоративно

К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СЛОВАРЯ: МОЛОКО У ФУЛЬБЕ

0. Проблема построения этнокультурных словарей, попадающая в русло современных интересов этнолингвистических и лингвокультурных разысканий, комплексна по самой своей природе. Будучи нацелена на выявление отраженных в языке материальных и духовных ценностей некоторого этноса, эта проблема предполагает, при описании каждого лексикализованного концепта, разносторонний учет сведений, куда входят и наблюдения о связях и месте лексемы в соответствующей лексической парадигме, и информация о роли и значимости реального денотата в жизни этноса с присущим последнему хозяйствственно-бытовым укладом, и сведения о разного рода коннотативных нагрузках лексикализованного концепта в связи с его возможным включением в контекст устной традиции, ритуала, в сферу сакрального.

При изучении этнокультурного словаря, в конечном счете имеющего целью воссоздание общей картины этнического мировидения, как кажется, недостаточно отдельное внимание уделяется словарю традиционного этнического рациона. Ядерная часть этого рациона, которая может быть обозначена термином "этнопища", в групповом сознании, с одной стороны, связывается с представлением об основе жизнеобеспечения и физической выживаемости этнической группы, а с

звучат в данном случае термины, обращенные к африканским женщинам. С одной стороны, немодно одетых и несимпатичных африканок называют *typesse, broussarde, agbasse*; с другой — эмансипированных африканок пренебрежительно называют *évolée, libertine*.

Среди оскорбительных форм характерны слова — зоонимы: *chien de brousse, chien de lagune, margouillat, tortue terrestre, hyène*. С другой стороны, в качестве оскорбительных можно услышать такие собственно французские слова и выражения, которые во Франции употребляются нейтрально: *fumiste* (предатель, болтун), *individu* (дикарь, дурак), *imbécile* (ублюдок), *taquereau* (предатель, лицемер). Кроме этих, многие другие грубые слова и выражения употребляются в качестве оскорбительных, выражая идею нечестности, непорядочности и предательства: *coco taillé, con carré, couillon carré, maltype, malbouche*, отрицательное отношение к экстравагантной манере одеваться (*sapeur, fringuier*), к вызывающей манере поведения (*imbouis*), к хвастовству и болтовне (*tapalé, palabreur*), к чрезмерности в любовных связях (*bordel, kpassieur*), к проституции (*toutou, bordelle, garce, coule*).

другой стороны — предстает как компендиум значимых социокультурных символов и ценностных предпочтений. Понятие "этнопища" нередко кристаллизуется и вербализуется напрямую, как, например, в русской паремиологической формуле "щи да каша пища наша" или в выражении "хлеб — соль", которое представляет собой вербальный субститут предметных, вещных символов и одновременно — метафорическую свертку сентенциального "Добро пожаловать" и может быть раскрыто как заверение гостю — "не сомневайся, что ты получишь в нашей среде необходимое жизнеобеспечение".

Хотя кажется вполне очевидным, что африканские культуры сохраняют важные свидетельства — в том числе и в общетипологическом и историческом отношениях — об архаических картинах мира народов, сейчас трудно говорить о том, что научной традицией накоплен какой-то значительный материал. Поэтому естественно ожидать, что в этнолингвокультурных разысканиях удельный вес информационного материала может превалировать над обобщениями. В основе настоящей разработки лежат данные, полученные в диалогах автора со многими фульбе и частично подкрепленные засвидетельствованными в литературе разрозненными наблюдениями.

1. Центральное место в этническом rationale фульбе, исконных скотоводов — кочевников,

несомненно, занимает МОЛОКО. В норме это повседневный, а в экстремальных ситуациях — нередко и единственный продукт потребления. Продуктивность стада у фульбе в первую очередь оценивается удоем, количеством получаемого молока: поскольку на забой скота традиция накладывает сильные ограничения, именно молоко, а не мясо, служит и важнейшим продуктом товарообмена. Стереотипная картинка из жизни фульбе, зафиксированная на множестве фотоизображений, — женщины — фульбе, несущие на головах широкие калебасы с молоком. Молоко потребляется в свежем и кислом виде, широко распространено сбивание масла.

2. МОЛОКО в лексической парадигме. Основным лексическим репрезентантом МОЛОКА во всех диалектах является слово *kosam*. Грамматически это существительное относится к сингулярному именному классу '*DAM*', так называемому "классу жидкостей"; плюральный коррелят, вообще редкий в использовании, демонстрирует разнообразие форм, отмеченных морфонологической нестандартностью: *kos(c)e*, *koje*, *ko'y'e*, *koseele* (класс '*DE*'); *kosatjí* (класс '*DI*').

Лексико — понятийная парадигма, которой принадлежит эта лексема, включает прежде всего следующую общефульскую лексику:

endam — главный (квази)синоним слова *kosam*; *bíra* 'доить' (к этому глаголу, вероятно, этимологически возводимы формы *biddo*, кл. *O*

'сын/дочь, отпрыск', *bibbe*, кл. 'BE' 'дети', а также 'плоды', с их диминутивными производными — *binngel NGEL* 'ребенок, мальчик/девочка', *bikkoj/bikkon KOY/KON* '(маленькие) дети' и др.;

nagge (класс *NGE*) 'корова', множ. *na'i* / *nay(i)* (класс '*DI*'); *yeesre/yeeyte* (класс *NDE*) 'вымя' (наряду с *endī* 'сосцы'); *musna/muupa* 'сосать'.

Сюда же могут быть причислены названия молочных продуктов, как то: *feda(a)nde*, кл. *NDE* 'сквашенное молоко'; *keet(t)ungol*, кл. *NGOL* 'сливки'; *kanndi*, кл. *NDI* 'молозиво'.

Отметим, что фульбский словарь имеет слова специфической семантики, связанные с молоком, например, *sippa* 'покупать/продавать молоко' (наряду с общим *sooda/sootta* 'покупать/продавать' — все прочее, кроме молока); *riisca* 'подуть вымя корове (чтобы вызвать приток молока)' (наряду с общим *fuufa* 'дуть').

Лексическая парадигма, конечно, может быть расширена, в частности, с привлечением дериватов, образованных от основных лексем. Так, от глагола 'доить' образованы:

bigoowo, класс "человека" *O* 'доильщик, доильщица';

birdugal NGAL '(деревянный) подойник' (основа расширена "инструментальным" суффиксом *-ɪ-*, здесь диссимилятивно преобразованным в соседстве с конечным корневым согласным);

birdude NDE 'калебаса — подойник' (классное оформление мотивировано общефульским *horde NDE* 'тыква, калебаса', диал. *tumtbude NDE*

'калебаса', — так же, как предыдущее мотивировано общефульским *leggal NGAL* 'дерево');

bireeteenge NGE 'дойная корова' (субстантивированное пассивное причастие по классу 'коровы');

bira(a)dam DAM 'свежее молоко' (также пассивное причастие, но в перфекте и по классу 'молока') и др.

Особого рассмотрения требуют квазисинонимические отношения между двумя именами, называющими молоко, — *kosam* и *endam*. *Endam*, как и *kosam*, грамматически принадлежит классу '*DAM*'. Однако если форма *kos-am* в современном языке деривационно не мотивирована (ср., впрочем, смелую реконструкцию К.И.Позднякова, предполагающую в форме *ko-s-am след архаичного префикса *ko-*, закономерно соответствующего *fo-* в серер, где находим *fo soow ol* 'молоко', — Поздняков 1993, 40), то форма *en-dam* (диал. *en-ndam*) родственна *en-dī DI* 'грудь, сосцы', единич. *en-ndu NDU*. В смысловом плане форма *endam* имеет, если пользоваться выражением Н.И.Толстого (Толстой 1969), амплитуду семантических колебаний, которая включает три точки: 1) материнское молоко, 2) живой сок дерева, 3) родственная связь (особ. по материнской линии). Первые два значения в диалектах могут находиться в разной степени затухания (иногда доминирует первое, иногда — второе). Третье же значение, социальное, имеет тенденцию к расширению и иногда обозначает любое родство (не только по

материнской линии) и даже распространяется на неродственные в собственном смысле связи, например, этнические (ср. Sow 1966, 351).

Кое-где фульбе, например, в Мавритании, вообще отказываются признать за формой *endam* какое-либо иное значение, кроме социального, хотя словообразовательная связь с *enndu/endi* и для них продолжает оставаться прозрачной. Благодаря этой мотивации значение 'материнское молоко' при форме *endam* если и не выражается продуктивно, то как бы "брежит" в сознании говорящих.

Отметим, что значение "единоутробного родства" может, по крайней мере в стилистических целях, вкладываться и в лексему *enndu/endi* 'грудь'. Ср. "объявленную тему" (= название) сказки, записанной нашим коллегой Бори Али Траоре в области Масина: "*Enndu uaaya wooturu batii enndu uaaya wonndu*", что буквально означает "Грудь матери одна взяла /в жены/ грудь матери другую". "Грудь" здесь служит иносказанием для понятия "потомство", "единоутробные дети", и передать эту формулу — название приемлемым для русского ума образом можно было бы так: "Как три брата женились на трех сестрах" (Африканская сказка 2, в печати).

Все это поднимает новую тему — о значимости концепта МОЛОКО в социальных воззрениях фульбе. Согласно их билинеаристским представлениям, человек связан с матерью и родом матери через молоко, а с отцом и родом отца — через кровь (родство по мужской линии обозначают

еще как *keecci (n)gooti* 'от тех же чресел'). Существуют представления о том, что юридически (в отношении, например, прав наследования) доминирует единокровное родство, но что "родство по молоку" (даже если общий предок — женщина отделен несколькими поколениями) формирует более сильные и близкие связи, которые, в частности, служат препятствием к браку (в отличие от родства по отцовской линии). Эти воззрения находят отражение и в терминах родства, восходящих к глаголу 'сосать (грудь)' и оснащенных суффиксом совместности *-(i)d-*: *musidal NGAL* 'родственные узы, родня', букв. 'совместное сосание'; *musiddo O* 'брать/сестра, родственник', букв. 'вместе сосавший' (множ. *musibbe BE*).

Существенно отметить, что слово *kosam*, обозначающее МОЛОКО вообще, используется и для обозначения материнского молока, а следовательно — может употребляться в социальном смысле практически на одних правах с *endam* (ср. выражение *kosam ngoatam* букв. 'одно молоко', обозначающее общность происхождения, родство). Идея породнения через молоко, однако, распространяется и на коровье молоко (*kosam na'i*). Совместное вкушение молока знаменует сопричастность к некоей общей акции, вхождение в единое братство. Как подчеркивала Маргерит Дюпир, пользование общим молоком лежит в основе того чувства родства, которое пастухи — фульбе испытывают к скоту, и оно же объясняет нежелание использовать быков как рабочий скот; по этой же

причине запрещено убить кошку (остаток молока, которое лакала кошка, входит в состав талисманов) (Dupire 1970, 152).

Сходную интерпретацию получает и один из способов обезвреживания совы — птицы, несущей, по поверью фульбе, угрозу жизни маленьким детям: грудное молоко, сцеженное кормящей матерью прямо в клюв сове, делает эту птицу "породненной" и уже безопасной для ребенка (см. Коваль 1989).

Согласно менталитету фульбе, молоко является передатчиком некоторых свойств молокодателя — психических, экстрасенсорных, дара пророчества, ведовства. Поэтому необходимо быть особо осмотрительным при выборе кормилицы. И поэтому же, как считают малийские фульбе, маленького ребенка, чтобы он был сметливым и имел хорошую реакцию, следует вскармливать козьим — но никак не овечьим! — молоком. Как видим, и в этом отношении материнское молоко и молоко, полученное от животного, вновь приравниваются.

Далее, говоря о молоке, будем иметь ввиду в основном молоко коровье.

Полагаясь на "общность" значения формы *kosam* ('молоко вообще'), не следует пренебречь тем фактом, что в диалектах намечена тенденция — в разной степени реализованная — к использованию этого слова для обозначения лишь кислого молока. Свежее молоко обозначается уже упоминавшейся формой *bîga(a)-dam*, известной всем диалектам. Это пассивное перфективное причастие от глагола 'доить' может выступать в роли согласованного по

классу определения (*kosam bîga(a)-dam* букв. 'надоечное молоко'), но чаще употребляется субстантивированно (так называемый "автономизированный эпитет", сохраняющий в классном суффиксе след изначального согласования с именем). В некоторых ареалах, например, в говорах Фута-Джаллона (Гвинея) отмечается семантическая экспансия формы *bîgaadan*: это слово используется и для обозначения материнского молока, т.е. имеют место лексикализация и стирание внутренней формы.

Прокисание молока у фульбе ассоциируется со сном: общефульский глагол *daalo* 'заснуть/спать', кажется, во всех диалектах имеет и значение 'прокиснуть (о молоке)', а для номинации прокисшего молока повсеместно используется перфективное причастие от этого глагола, оформленное по тому же классу 'DAM' — *daapiidam*, букв. 'заснувшее'. Кажется самоочевидным лишь основной стержень этой метафоры — переход объекта в другое состояние, ср. пропорцию 'бодрствовать : заснуть' = 'быть свежим : стать кислым'. Сами фульбе дают данному метафорическому переносу более конкретное объяснение, связывая переход в другое состояние с прекращением движения: свежесть/сквашенность молока определяется прикосновением пальца — свежее молоко дает волнообразное движение, прокисшее же неподвижно ("спит"). Для обозначения простокваша существуют и другие причастные формы по классу 'DAM', используемые

как автономизированные эпитеты, прежде всего: *kaad(a)jam* от глагола *haada* 'стать/быть кислым/горьким' и *lamtidam* от глагола *lamta* 'стать/быть соленым/ горьким/терпким'. Широко известна еще форма *feda(a)nde*, класс NDE, называющая специально заквашенное молоко (ср. глагол *fenda* 'запускать, заквашивать', *fendoo* 'закваситься' и производное от него *fendirde* NDE 'калебаса для заквашивания молока').

Уже только эти данные свидетельствуют о накоплении словарем лексических средств для номинации пресного/кислого молока. Чем же в этих условиях вызван семантический дрейф 'молоко вообще → кислое молоко', сужающий исходное значение слова *kosam*, которое само при этом частично вытесняется "описательной" формой? Можно было бы пытаться объяснить этот процесс pragматическими причинами экологического порядка: в условиях жаркого климата молоко недолго остается свежим и его нормальное "товарное" состояние — в прохладном виде? Вопрос пока остается открытым; но здесь уместно обратить внимание на то, что наблюдаемые факты реноминации, в частности, с привлечением субстантивации эпитетов, имеют явные признаки сходства с процессами эвфемизации, характерной для культурного словаря фульбе (например, для таких табуируемых концептов, как СОЛЬ, ОГОНЬ, ИГЛА и др. — см. об этом Коваль 1989; 1992).

И все же, если брать широкий пандиалектный план, форма *kosam* продолжает удерживать статус

общего именования молока безотносительно к его разновидностям. Более того, ввиду монополии, которую имеют фульбе на производство и поставку молока, это слово вышло за пределы этнического словаря и стало интернационализмом в ареалах бытования фульбе и на лимитрофных землях. О том, что *kosam* введено в наднациональный культурный контекст, свидетельствует, например, огромная реклама, которую видишь при въезде в город Мопти (Мали): "*Buez kosam frais*" — "Пейте свежее (!) молоко".

3. МОЛОКО в ритуале. Значимость МОЛОКА не может быть понята и оценена по достоинству без учета той роли, которую оно играет в обычаях и ритуальных церемониях фульбе. Нужно признать, что факты этого рода не лежат на поверхности. И не столько в силу того, что здесь мы соприкасаемся с областью архаичного, сколько в связи с той конфессиональной перестройкой, которую претерпели фульбские общества в несколько последних веков. Сегодня фульбе, особенно оседлые группы — рьяные мусульмане, что не может не проявляться в известной переориентации их традиций на установления ислама. Так, например, если у восточных кочевников, вообще менее глубоко исламизированных, при совершении ритуала наречения новорожденного голову ребенка омывают молоком, то их оседлые западные соплеменники в тех же целях применяют магическое снадобье *nasi*.

получаемое от смывания водой с коранической дощечки особого сакрального текста.

Однако фульбе, известные своей консервативностью, многое и сохранили, особенно в том, что касается стада, а следовательно и молока. При тщательном поиске, с обследованием разных ареалов, регламент молока (предписание vs. запрет) мы обнаруживаем во многих ритуалах, как повседневных, так и связанных с главнейшими церемониями — вехами в жизни человека и коллектива. Причем МОЛОКО разносторонне связано с ритуалом в его единстве акционального, предметного и вербального.

Прежде всего бросается в глаза обряд подношения молока пришедшему гостю (сразу по окончании традиционных словесных приветствий). Этот обычай, по смысловой нагрузке связанный с упоминавшимися выше представлениями об "породнении через молоко", очень распространен и устойчив. Как пишет М.Дюпир, "дарение молока пришедшему гостю это такая социоморальная обязанность, уклониться от которой не решится и последний бедняк" (Dupire 1970, 152).

Другая важнейшая ритуальная функция МОЛОКА связывает его с плодородием, процветанием, богатством и удачей. У восточных фульбе во многих обрядах рядом с молоком присутствует ветка "дерева благодати" **barkehi** (*Bauhinia reticulata*). Вот как описывает Р.Лабатю фрагмент свадебной церемонии у кочевых водабе: "В день свадьбы женщины — родственницы и подруги невесты —

приходят к стойбищу ее отца с калебасой молока и веткой **баркехи**; поставив калебасу, обмакивают ветку в молоко и бьют ею молодую ... Девушка убегает, за нею гонятся и бьют ее снова, она плачет. Наконец члены семьи невесты делят между собой оставшееся в калебасе молоко" (Labatut, 78–80). Молоко составляет обязательный компонент церемоний, связанных с интронизацией нового вождя, празднества ежегодной сходки и других важнейших событий в жизни кочевой группы.

Не в последнюю очередь МОЛОКО несет плодородие и процветание и самому коровьему стаду. У гвинейских фульбе свежее молоко (в небольшом, чисто символическом количестве) добавляется к смеси, которой напитывают коров во время особого, проводимого коллективно раз в году, ритуального "соляного кормления" (так наз. *tuppal*); смесь включает, кроме соли и молока, почву из терmitников и заговоренную древесную листву, а также снадобье *nasi*.

Впрочем, многие обряды не усматривают грани между процветанием стада и процветанием человеческой группы, поскольку одно предполагает другое. Так, калебасы с молоком обязательно присутствуют в стойбищных обрядах кочевых водабе. От ритуала утреннего поения детей парным молоком ждут, что "подойник обретет благословение и станет принимать молоко в изобилии" (*haa birkude heba barka, heba kosam duuddam*); участники обмениваются формулами, называющими молоко **ЖЕРТВОЙ** ("Mi sakki ta!" — "Alla jam

sadaka!"), и в завершение остаток молока выливается из калебасы к изножию телячей привязи. Во время традиционной маркировки скота там же, под телячей привязью, производится "захоронение" обрезков телячьих ушей, которые перед этим опрыскиваются молоком и посыпаются листьями "дерева благодати". Эти и другие обряды с участием молока вкратце описаны Роже Лабатю, который подчеркивает также роль молока при приготовлении разного рода зелий и снадобий, как врачующих, так и магических (охранительных, приворотных и проч.).

Фульбе вообще имеют в Западной Африке репутацию искусных изготовителей снадобий. Встречаясь с рецептурными данными, не сразу замечаешь присутствие молока, поскольку преобладают упоминания функционально специфичных ингредиентов. Молоко же, как указывает Р.Лабатю, "всегда составляет основу тех снадобий, которые предназначены для питья людям" (Labatut, 86).

В этнологических заметках фуланистов случается встретить замечание о том, что МОЛОКО у фульбе не окружено запретами, как этого можно было бы ожидать для объекта с такой весомой ритуальной нагруженностью. Имеющиеся данные не позволяют с этим согласиться. Например, существует (по крайней мере, у "центральных" фульбе) запрет наступать ногой на пролитое молоко; запрещено размещать калебасы с молоком иначе чем с

северной стороны женской хижины (последний факт упоминает и Р.Лабатю).

Еще один важный запрет — на кипячение молока, т.е. на его соприкосновение с ОГНЕМ, — практически обойден вниманием исследователей — фуланистов. Конечно, сегодня этот запрет сильно потеснен новыми условиями жизни, однако от самих фульбе не раз приходилось слышать, что в консервативно настроенной среде кипячение молока не практикуется. Последний, от кого я слышала это, — житель Телимеле (Гвинея). Не только запрещено ставить молоко на огонь, но даже просто переливание молока в сосуд, соприкасающийся с огнем (горшок, котелок), может вызвать вспышку негодования и осуждения. Молоко обычно добавляется либо к неваренным смесям (разного рода мучным затиркам), либо к кашам после того, как они сварены и переложены в другую (традиционно деревянную) посуду. Вероятно, с этим связана развитая терминология перевоплощения и перемешивания пищи (большую роль в кулинарной технологии фульбе играют мутовки — палочки с крестовинкой на нижнем конце, служащие для размешивания, взбивания смесей, особенно с молоком, свежим или кислым). Этим же запретом может объясняться и отсутствие общефульских лексических средств для обозначения кипяченого молока, в отличие от других видов молочных продуктов, такими средствами располагающих ('пресное молоко', 'простокваша', 'цельное, неснятное молоко', 'сливки', 'молозиво').

Сигналы об отголосках запрета на соприкосновение молока с огнем поступают из разных, в том числе и полярно расположенных точек разбросанного ареала фульбе, что может свидетельствовать об архаичности и общефульском характере данного ограничения. Впрочем, наши скромные личные наблюдения дают основания полагать, что и ныне городские фульбе, стремясь продлить срок свежести молока, отдают предпочтение замораживанию в холодильнике, а не кипячению.

Знаменательно, что на аналогичный запрет у туарегов обратил внимание Анри Лот, сообщивший и "смысл" запрета: "У ряда племен не разрешается ставить на огонь свеженадоенное верблюжье молоко, поскольку считается, что тем самым можно навлечь болезнь на животное или у него пропадет молоко" (Лот 1989, 120–121). Сопоставляя эту интерпретацию с данными фульбской традиции, можно предположить общую картину: свежее и кислое молоко связывается с жизнью (бодрствованием или сном), а кипяченое — с болезнью (последнее еще нуждается в проверке).

4. МОЛОКО и цветовая символика.

МОЛОКО связано теснейшими отношениями с цветовой символикой, система которой тщательно разработана и имеет большой вес в фульбской традиции. Прежде всего речь идет о мастях коров — молокодателей (как давно известно, наименования мастей скота у фульбе предельно детализованы и

исчисляются десятками специальных лексических единиц). Неравнозначное отношение к молоку, надоенному от коров одной или другой масти, находит многочисленные проявления, в частности, в ритуальной сфере (что неудивительно, если помнить о том, что ментадитет фульбе признает молоко передатчиком свойств молокодателя). Наилучшим даром новорожденному считается белая корова, молоко от которой ребенок будет пить первые годы жизни (функциональным субститутом этого дара новорожденному в некоторых оседых обществах становится белая курица). В ритуале подношения молока гостю отмечен запрет на молоко от рябой коровы, которое признается негодным и даже рискованным для гостя.

Яркие примеры этого рода предпочтений дает устная художественная словесность фульбе. Один из таких примеров — мотив *kosam ooli* 'молока палевых (коров)', который выполняет сюжетообразующую функцию в героико-эпической традиции Масины (Мали и сопредельные земли). Известно немало текстов, в которых распра между богатырями спровоцирована соперничеством за исключительное право пить молоко от коров этой масти. "Молоко палевых" здесь служит знаком избранности и высокородства. Этот сюжет имеет своих типичных представителей из "эпического пантеона", однако в некоторых версиях он может переключаться и на другую героическую персону, — в чем находит выражение то свойство устного

эпоса, которое А.Лорд назвал "полиморфизмом" (multiformity) (Лорд 1994).

Еще более важна цветосимволическая значимость МОЛОКА в связи с тем, что оно само является в представлениях фульбе эталоном БЕЛОГО. И в этом своем качестве МОЛОКО включается в семиотическую оппозицию "БЕЛОЕ—ЧЕРНОЕ", первый член которой ассоциирован с благом, процветанием, богатством и удачей, тогда как второй символизирует бедствия, нищету, всяческое неблагополучие. Бытующая в устной словесности формула *fulbe ana mbiya "ati en njagi baleejam"* 'фульбе говорят "да не испить нам черного"' употребляется в ситуации, грозящей несчастью, и имплицитно предполагает именно оппозицию с молоком, несущим благодеяние (ср. морфологическое оформление слова *balee-jam* по тому же "классу жидкостей" 'DAM).

"Черное", в оппозиции с молоком, может относиться к ВОДЕ. Так, героиня фульбского эпоса, желая продемонстрировать мужу, что для него начались "черные дни", производит замену в его утреннем рационе и ставит у изголовья спящего, вместо обычных молока и масла, три сосуда — один с "простой черной водой" (*ndiyat baleejam bolat*), другой с красным перцем и третий — с водой, в которую добавлены стручки камедной акации (*gawde*) и перец (т.е. горькое) (Коваль 1990, 68–70).

В оппозиции с "белым/благим молоком" в качестве противочлена "черный/плохой" могут выступать и другие объекты, связанные с пищей.

Так, при церемонии интронизации у водабе новому вождю в течение пяти дней подают рис и просо, приправленные лишь маслом и молоком, поскольку "овощные соусы черные, — говорят водабе, — а мы не хотим, чтоб твое правление было черным" (Labatut, 80). В этой среде не допускается также соседство "молочных" калебас с закопченными на огне горшками (последние ставятся с южной стороны хижины), а при перекочевках полагается отделять циновкой "черные" горшки от сосудов для молока (там же). Легко видеть, что ограничения цветосимволической природы здесь смыкаются с упомянутым выше запретом на соприкосновение, пусть и опосредованное, МОЛОКА с ОГНЕМ. Впрочем, у фульбе различается огонь "черный" и огонь "белый": "черным" считается огонь кухонного очага, где готовится пища, "белым" — огонь ритуального костра *dudal*, ежевечерне разжигаемого посреди стада или в загоне для скота. Это разграничение поддерживается особыми предписаниями. Так, традиция не разрешает пользоваться огнем из очага для разжигания вечернего костра при стаде; если варкой пищи занимаются женщины, то костер *dudal* находится под опекой мужчин и сам глава стойбища зарывает под костром талисманы, обеспечивающие благодеяние стаду. Ср. определение, данное М.Дюпир: "*dudal* — это социо-магический центр мужской деятельности, связанной со стадом" (Dupire 1970, 98).

Как видим, оппозиция "БЕЛОЕ—ЧЕРНОЕ" может реализоваться и за пределами непосредственно "молочной сферы", однако для нашей темы важно подчеркнуть, что МОЛОКО является важнейшим манифестантом "белого/благого".

Объективности ради нужно отметить: в наши дни допускается встречать гостя либо молоком, либо водой, что снимает, в рамках данного обряда, архаическое цветосимволическое противопоставление. Сами фульбе дают этой инновации профаническое истолкование, сводя вопрос к подношению питья для утоления жажды. Вторжение ВОДЫ в традиционную сферу МОЛОКА связывают с усилившимися засухами в субсахарской зоне, когда стада сильно страдали и то небольшое количество молока, которое удавалось получить, оставлялось лишь для детей. Не исключено, однако, что данный субститут был подкреплен интенцией к определенной "нейтрализации" МОЛОКА, слишком мощно задействованного в области магико-ритуальной.

5. МОЛОКО в этнической аксиологии. В завершение сделаем специальную остановку на вопросе об иерархическом весе МОЛОКА в этнической аксиологии фульбе. Как уже отчасти ясно из всего изложенного, вес этот имеет высокую оценку.

С одной стороны, продукт, основным источником которого является КОРОВА, как бы отражает, принимает на себя то "приподнятое" отношение,

которым окружен сам источник. Замечательна иллюстрация этого отношения содержится в недавно изданной Альфа Ибрагимом Со книге, редкостный жанр которой можно было бы определить как "наивную энциклопедию" фульбе. В разделах посвященных терминологии пастушеского дела толкуемым словам в норме сопоставлены предельно сжатые дескрипции часто перифразического толка, иногда — с элементами культурного комментариев, например:

"*bira* — *foodude yeute*"

'доить — тянуть вымя';

"*birdugal* — *kaakol birdeteengol; arannde lekki sehetenoo*"

'подойник — посуда для дойки; изначально тесалась из дерева'.

Неожиданно резкий контраст к этим "пресным" словарным определениям составляет толкование слова "корова", несущее эксплицитную аксиологическую информацию:

"*nagge* — *ko fulbe buri marude e ko woodi yonki kala...*"

'корова — то, что фульбе больше всего хранят, что имеется в каждой душе' (Soo 1992, 65–70).

Этой интроспективной дескрипции КОРОВЫ созвучно и отношение фульбе к МОЛОКУ как этнопище *rag excellence*. Свидетельства этому обнаруживают тексты эпической традиции Масинга. Так, повествуя о княжеской жене, переживающей тяжкую внутреннюю драму, сказитель показывает ее лежащей в забытии:

kosam uppporto hunduko makko

'молоко изливается из уст ее' (Коваль 1990, 42–43).

Наш комментарий должен отметить здесь два момента: приведенная формула аллюзивно указывает на то, что, во – первых, именно молоко, а не что – либо другое, составляет пищу высокородной фульбской женщины (а "высокородность" в фульбском понимании часто синонимична "чистопородности") и что, во – вторых, если уж даже молоко (!) не осваивается, значит, ее душевые и телесные муки достигли апогея.

И наконец, едва ли мы найдем пример, более красноречиво свидетельствующий о сублимированном отношении к МОЛОКУ как этнопище, чем тот, который оставил нам сказитель Хамма – Джам Бурайма из Конса (Мали) в записи (1970) Кристиан Сейду. Речь идет об эпизоде, в котором Хам – Бодеджо, правитель Кунари и верховный герой масинского эпоса, озабочен выбором "личного клича", или вербо – музыкального девиза, составляющего социально важный атрибут высокой персоны. Хам – Бодеджо отвергает ту версию клича, где он возвеличивается, в иносказательной форме, как могучий предводитель воинства и владетель бесчисленных стад; он отдает предпочтение тому тексту, который включает формулу

"*bii pullo bodeejo deddee tuuta kaadat*"
(Seydou 1976, 42 – 44)

'сын фульбский красный (т.е.чистопородный)
/если ему/ стиснут горло — извергнет кислое
молоко'.

Комментарий здесь, в общем, излишен; впрочем, не исключено, что формула подспудно предполагает оппозицию МОЛОКА как достойной пищи АЛКОГОЛЮ: ведь Хам – Бодеджо (по прозвищу "пуло в Сегу, бамбара в Кунари") известен тесными сношениями с бамбара Сегу, традиционно потребляющими алкоголь. Тем самым упоминание молока служит еще и целям этнической идентификации. Но в любом случае мы можем констатировать, что МОЛОКО, эта священная пища фульбе, оказывается включенным как маркер истинного фульбства в личный клич, куда традиция предписывает включать самое ценное, самое весомое, самое нетленное.

Литература:

Африканская сказка 2. К описанию языка фольклора (в печати).

Коваль 1989 — Коваль А.И. Процессы эвфемистической замены в традиционной африканской лексике (лингвистический аспект) // Африка : культура и общество. Вып. 2. М., 1989.

Коваль 1992 — Коваль А.И. Утаивание культурных концептов как фактор грамматических модификаций // Социо – и этнокультурные процессы в современной Африке. М., 1992.

Коваль 1990 — Коваль А.И. Эпос и литература фульбе. К исследованию литературных форм младописьменного языка. М., 1990.

Лорд 1994 — Лорд А.Б. Сказитель. М., 1994.

Лот 1989 — Лот А. Туареги Ахагтара. М., 1989.

Поздняков 1993 — Поздняков К.И. Сравнительная грамматика атлантических языков. М., 1993.

Толстой 1969 — Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. М., 1969.

Dupire 1970 — Dupire M. Organisation sociale des Peul. Р., 1970.

Labatut — Labatut R. Contribution à l'étude du comportement religieux des Wodaabe Dageeja du Nord-Cameroun // Journal des Africanistes, 48,2.

Seydou 1976 — Seydou C. La geste de Ham-Bodedio // Classiques africains, 18. Р., 1976.

Sow Alphâ Ibrâhîm. La Femme, la Vache, la Foi // Classiques africains, 5. Р., 1966.

Soo Alfaa Ibraahiima. Maanditorde annde e pine pulpule Hiirnaange Afrik. Р., 1992.

А. Б. Копелиович
(Владимир)

СОГЛАСОВАНИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ

0. Согласовательные отношения в сознании носителей тех языков, где они имеют место, преимущественно связаны с категориями имени, наиболее полный набор которых (род, число, падеж и др.) представлен в и.-е. языках. Названные категории традиционно рассматриваются как отраженные у определяющих слов и самостоятельные (собственные) у определяемых (предметных). Идея грамматического уподобления атрибутивных слов субстантивным составляет сущность современного представления о согласовании. Такое представление сложилось на основе его кажущейся самоочевидности и практически не подвергалось ревизии, несмотря на то, что не позволяет однозначно определить сферу применения термина "согласование" в его формальном значении, оставляя тем самым проблему открытой.

1.0. Референтная основа термина "согласование" могла бы получить более четкие границы при учете следующего соображения: участвующими в акте согласования могут быть признаны только те грамматические категории, выбор которых относится к внутренней компетенции словосочетания.

1.1. Руководствуясь сказанным, следует исключить категорию падежа из числа согласуемых. Соотносительность атрибутивных и предметных имен по признаку падежа по своей природе иное

явление, чем согласование по роду. Эти явления разграничиваются в лингвистике как словоизменительное и внесловоизменительное согласование. Однако вопрос состоит в том, правомерно ли вообще рассматривать параллелизм падежных форм как факт согласования. Известное определение А. А. Зализняка: "В языке есть словоизменительное согласование, если найдутся две словоформы одного и того же предметного слова, которые требуют при атрибутивной связи разных совокупностей сегментов хотя бы одного слова — атрибута", — не может считаться достаточно строгим, так как применимо не только к конструкциям типа "*вот мой дом*" [Зализняк 1967: 64], но и к таким, как *река—красавица, диван—кровать, инженер—оператор*, а также к ряду однородных членов [Кибрик 1992: 117–119]. По этой логике то же следует говорить о сложных числительных (*пятидесяты, пятьюдесяты*). Параллелизм падежных форм может иметь место у любых двух и более имен, подчиненных одному синтаксическому приказу. Последнее утверждение кажется менее очевидным применительно к согласовательной модели "прилагательное + существительное", поскольку согласование по роду, развертываясь на фоне падежного параллелизма, т. е. будучи выражено родо—падежно—числовой флексией, создает иллюзию причастности падежной граммемы к согласованию. К тому же зависимость прилагательного от существительного заключает в себе представление о более высокой степени

субординативности в сравнении со связью одной части речи.

Параллелизм форм — характерная черта распространенной именной группы как целостно управляемой комплексной единицы в предложении. Отсутствие падежного параллелизма при т. анафорическом согласовании связано с положением соответствующего местоимения вне именной группы замещаемого имени. Кроме того, привязанность нескольких граммем к одной морфеме не лишает их индивидуальной функции, так, например, падежный параллелизм в сложносоставных словах типа *вагон весы, ясли—сад, вечер—встреча* отнюдь не предполагает обязательного тождества других граммем. Мысль о самостоятельности (или отраженности) категории падежа у прилагательных поддерживается также их способностью "выбирать" падежную форму и вне непосредственной синтаксической связи с именем существительным в случаях типа *Он вернулся усталый/усталым*.

1.2. Параллелизм грамматических категорий, так же, как и согласование, — не случайное совпадение характеристик двух или более ассоциированных в структуре высказывания единиц. Однако при внешнем подобии согласования и параллелизма между ними есть принципиальное различие: согласование — подчинительная связь, параллелизм — отношение соподчиненных единиц. Параллелизм заслуживает внимания как особый тип синтагматических отношений. Применительно к данной работе

существенным является лишь вопрос о разграничении сферы проявления согласования и параллелизма, равно как и вопрос об их системном характере. И то и другое оказывается спорным, о чем свидетельствует, например, предлагаемое в "Словаре-справочнике лингвистических терминов" (Д. Э. Розенталь, М. И. Теленкова) определение термина "аппозитивная связь": "Связь между приложением и определяемым словом, выражающаяся в согласовании в падеже, иногда в числе и роде" (курсив наш — А. К.).

1.3. Согласование представляет собой относящийся к внутренней компетенции словосочетания выбор одной из одноименных падежных (**P**) форм ед. и мн. числа. Если, например, им. пад. (**P₁**) в системе конкретного языка имеет более чем одно означающее, допустим **A; B; C; D**, то соответствующие субстантивные классы могут быть представлены в виде следующего ряда: **P_{1A_{Sg}}**; P_{1B_{Sg}; P_{1C_{Sg}; P_{1D_{Pi}... а парадигма форм им. пад. согласуемых слов — как сумма релятивных форм (флексий): **P_{1a_{Sg}}** \ P_{1b_{Sg} \ P_{1c_{Sg} \ P_{1d_{Pi}.... Форма **a(b, c, d)** либо материально тождественна, либо соотносительна с **A(B, C, D)**, т. е. **a = A** (а эквивалентно **A**) и т. д. Возможно построение пропорций без учета граммемы падежа:}}}}}}

$$a_{Sg} : A_{Sg} = b_{Sg} : B_{Sg} = c_{Sg} : C_{Sg} = d_{Pi} : D_{Pi} \dots$$

Это оправдано тем, что граммема падежа участвует в согласовании лишь в качестве

регламентирующего фона; в конструкциях, построенных не по принципу именной группы, ничто не препятствует соотносительности разнопадежных родо-числовых форм: **Весна была теплой**.

1.4. Изложенное выше понимание согласования предполагает отличную от традиционной оценку участия именных категорий в рассматриваемом лингвистическом действии. Так, отраженной у родоизменяемых слов может быть названа лишь категория числа, которая ни в одной из известных нам грамматических ситуаций не может быть выражена именами адъективного типа вне связи с определяемыми существительными. Что касается категории падежа, то она является самостоятельной у всех именных частей речи. Особое положение занимает категория рода. Дело в том, что формы согласуемых слов, сочетаясь с предметными именами в составе согласовательной модели, не отражают, а выражают общую для них грамматическую категорию рода [Копелиович 1995: 92–98]. Более чем очевидно, что при отсутствии (или разрушении) согласовательных возможностей у прилагательных и глаголов грамматический род не эксплицируется, т. е. в традиционном понимании отсутствует в качестве категории, в то время как падеж, например в армянском, и число, например в английском, могут иметься (или сохраняются) у существительных.

2. Присутствие в языке категории рода определяется двумя признаками: (1) наличием морфологических классов имен существительных и (2) свойством имен существительных подчинять себе родоизменяемые слова в соотносительной с их классом форме. Этот второй признак явно представляет род как отношение между разнофункциональными частями речи и может рассматриваться как интегральный при сопоставлении рода и именных классов типа банту. Первый же признак дифференцирует две родовые системы, так как в африканистике в качестве наименьшей классификационной единицы принято рассматривать не классы слов, а классы словоформ. Предлагаемая в п. 1.3. пропорция отражает именно эту естественно сложившуюся в африканском языкознании традицию. Возможно дальнейшее упрощение пропорции. Дело в том, что чисто релятивный характер средств согласования позволяет не принимать во внимание значение числа у атрибутивных слов, поскольку оно лишь отражение грамматического содержания субстантивной формы, что и лежит в основе последовательной нумерации именных классов. С учетом сказанного данная пропорция примет следующий вид:

$$a : A_{Sg} = b : B_{Sg} = c : C_{Sg} = d : D_{Pl} \dots$$

Количество членов пропорции определяется ситуацией в языке, на материале которого она

строится. Видимо, теоретически следует признать наличие эксплицированных отношений по роду в конкретном языке, если на материале этого языка возможно построение минимальной пропорции типа

$$a : A_{Sg} = d : D_{Pl}$$

В связи с этим возникает и проблема идентификации сферы согласования и сферы проявления рода, окончательное решение которой зависит также от четкого размежевания фактов согласования и фактов параллелизма.

Литература:

- Зализняк 1967: Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М.: Наука, 1967.
- Кибрик 1992: Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. — М.: Изд-во МГУ, 1992.
- Копелиович 1995: Копелиович А. Б. Происхождение и развитие индоевропейского рода в синтагматическом аспекте. — Владимир: ВГПУ, 1995.

Э.Е.Кормышева
(Москва)
**ИМЕНА БОГОВ В МЕРОИТСКИХ
НАДПИСЯХ**

1. Исследование мероитских надписей с целью вычленения фраз с упоминанием богов, возможных эпитетов и названий храмов, в которых они почитались, сделано на основании готовящегося к публикации полного Корпуса Мероитских Надписей, осуществляемого силами специалистов разных стран под патронажем Французской Академии Надписей. В настоящее время известно более полутора тысяч надписей, прошедших в 1980 г. компьютерную обработку, и известных как REM (Répertoire d'Epigraphie méroïtique). Формуляры надписей с именами богов выделяются на основании сравнения с соответствующими словосочетаниями в египетскоязычных текстах из Куша, а также с учетом современного состояния исследования мероитского языка.

2. Проведенный анализ египетской эпиграфики в Куще показал, что композиция фраз, относящихся к богам, почитаемым в храмах Куша, наряду с характерной египетской структурой **имя бога + владыка + топоним или имя бога + предложное словосочетание "пребывающий в" + топоним** часто приобретает форму связи путем сочинения: **имя бога + топоним**, где существительное "владыка", или предложное словосочетание опускаются. Данный тип относится

к специфической форме, характерной для египетских фраз, относящихся к богам в Куще. Аналогичные словосочетания выделяются на основании анализа мероитской эпиграфики.

Например:

Гебел Баркал:

(*am*)*pr*, *ampr* — REM 1044 B/8,10,20,23,27
REM 1044 C/14 REM 1044

D/4

Хамадаб:

ampr — REM 1003/27,29,60

Мероэ:

ampr — REM 1041 B/2

3. Помимо данных типов, фразы, содержащие имена богов и топонимы, выделяются на основании наличия постпозиционного локативного суффикса **-te**, с помощью которого достаточно надежно определяются топонимы, соединенные с именем бога. Данный тип фраз, вероятно, сравним с известными по египетским текстам словосочетаниями **имя бога + предложное словосочетание *hrj-ib* + топоним**, что относится к богам, не являющимся владыками всего храма, но почитающимися в храмах наряду с его владыками.

Например:

amprte
0407/10;

REM 1072/4,5;

— Кава REM 0661/1; Мероэ REM

Хамадаб REM 0672/1; Седеинга

Гебел Баркал *REM 1044 B/6,8 1044*

C/11 1044 D/2 1044 E/1,5

Нака:

*REM 0024 A — amni lh aritece
tolktete*

Амара:

REM 0084 A/1 — (amni pe) demete li

amni notete — Нака *REM 0023 A/1; 0023 B/1; 0025
A/1; 0036 A/1; 0036 B/;*

0038 A/1; 0038 B/1

(am)ni (note)te — Мероэ *REM 0417/1*

Третий тип фраз выделяется по показателю генетива *-se*.

Например:

Хамадаб:

amni arrese — *REM 1033/46;*

1003/60

mpr Bedewetelit'se — Наг Гамус, *REM 1076/6,
1149/5*

a(mn)pt'se — Кааног *REM 0302/1*

amprtese — Гебел Баркал *REM 1044*

C/12

Данный тип фраз, возможно, соответствует встречающимся в Египте словосочетаниям, в которых имя бога соединяется с топонимом через косвенный генетив *п* или через предлог *ш*, показатель направления.

Ряд словосочетаний, где после генетива *-se* отсутствует топоним, могут быть поняты как

110

"относящийся к Амону" и таким образом указывают на существование его культа.

Например:

amni-se (amnit'se) — Кааног, *REM 0234/5;
0246/3;*

0258 C/1

Гебел Баркал, *REM 1044*

B/18;

1138/40

mni-se (mnit'se)
REM 0044/1

Арминна, *REM 1063/4*

Мусавварат эс Суфра,

0245/3;

0305/3;

0328/5

Амара, *REM 0085/5*

Кааног, *REM 0229/10;*

0287/3; 0289/10; 0302/2;

0309/5; 0310/6; 0326/4;

Фарас, *REM 0129/7*

Мероэ, *REM 0414 A/4*

Гебел Баркал, *REM 1044*

C/12

1079/5;

mpr-se (mnrpt'se) — Кааног *REM 0234/6;
0213/3.4; 0230/5;
0215/4, 0217/4;
0203/3; 0261/4,6;*

111

0206/5;
0219/4,5,8,9,11;
0323/3; 0305/4,5;
0309/6; 0310/5,6;
0316/7; 0317/5,6;
0303/6; 0319/3;
0322/5; 0323/4,5;
0324/7; 0325/11;
0341/2.

Фарас *REM 0219/16*
Эль Малки *REM 1020/6*
Арминна *REM 1063/13*
Наг Гамус *REM 1075/3*

1076/7; 1082/3;

4. Анализ формы написания имени Амона, показывает стойкое падение протетического алефы при сохранении остальной структуры словосочетания.

Например:

- Соба, REM 0001/3
Нака, REM 0008/1
Кава, REM 0677/1
Хамадаб, REM 1044 E/10; 1140

B/2

- mni* — Соба, REM 0001/4
Нака, REM 0016/1
Кадабша, REM 0094/3

112

C/20

	Караног, <i>REM 0254/7</i>
	Кава, <i>REM 0695/2</i>
	Гебел Баркал, <i>REM 1044 B; 1044</i>
C/20	
	Фарас, <i>REM 1058/4</i>
	Мешра эль Хассан, <i>REM 1151/3</i>
<i>amnepte te</i>	— Кава, <i>REM 0664/1; 0686/1</i>
<i>mnpteoṭe</i>	— Караног, <i>REM 0241/6</i>
<i>a(mn)pt'se</i>	— Караног, <i>REM 0302/1</i>
<i>mnptse</i>	— Арминна <i>REM 1063/13</i>
	Наг Гамус <i>REM 1075/3; 1076/7;</i>

1077/7;

- 1149/4

Караног REM 0213/3,4; 01215/4;
10221/4,11; 0230/5;
0232/5; 0234/6; 0261/6;
0241/6; 0303/6; 0305/4,5;
0309/6; 0310/5; 0316/7;
0317/5,6; 0319/3; 0322/5;
0324/7; 0325/11

a(*mn*)*pt*

- mprt* — Фарас REM, 0129/16
Падение протетического йода в имени Амона в
египетском наблюдается лишь в одном известном
име случае — надписи в скальном храме Эллесиа, в
Нубии времени Нового царства.

В связи с вышеизложенным представляется возможным говорить о кушитских особенностях египетского языка или даже о возможном существовании кушитского диалекта египетского

языка, что могут подтвердить или опровергнуть дальнейшие исследования.

А. Д. Луцков, М. Р. Урб
(Москва)

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ ЗУЛУ

Известно, что пословичные изречения (собственно пословицы и поговорки, сравнительные обороты и другие паремии) в значительной степени отражают не только народные обычаи, верования, культурно-бытовые подробности, но и определенные исторические реалии. Персонажи истории зулусов и соседних родственных племен, некоторые исторические события оставили свой след в зулусских паремиологических изречениях. По ним можно определить примерное время их возникновения и, по существу, такие паремии представляют часть истории зулусов, живущей в народной памяти.

Как и большинство зулусских паремий, пословицы и поговорки часто представлены в форме утверждения, которое содержит ту или иную сентенцию. Одна из них выражена вопросом, а одна — прямой речью.

Ukhala esikaNandi
Нанди.

Он плачет, словно по

Вождь зулусов Шака (Чака) (1787–1828) очень любил свою мать Нанди и, когда она умерла, ввел по всей стране принудительный траур по ней. Того, кто недостаточно оплакивал Нанди, могли даже лишить жизни по приказу вождя, поэтому так стали потом говорить о человеке, чрезмерно выражавшем свое горе.

Uci aluhlangani entanyenzi. Нитка бусин не сходится

на шее.

Эта пословица служит для выражения несогласия или неудовлетворения и связана с событием, которое датируют 1878 годом. Правивший тогда зулусами вождь Ц'ечвайо (Кечвайо) (1826–1884) довел полку, состоящему из девушек, выйти замуж за пожилых воинов из полка ветеранов "Изиндоондо"... Девушки отказались выходить замуж за "стариков", приводя в свое объяснение эту пословицу. Вождь приказал убить всех непокорных, но какая-то часть девушек спаслась.

Inxela aliwubusi utizi. Левша не правит домом

(краалем).

Одно из значений этой пословицы заключается в том, что не рожденный для какого-то дела не должен им заниматься. В ее основу, многие считают,

положено подлинное событие из истории родственного зулусам народа свази (свати), относящееся ко времени правления вождя Хлуби, сына Лудонги. Вместо Хлуби должен был править Магундуела, сын первой (главной) жены, но он стал левшой из-за того, что в детстве окунул свою руку в горячую кашу и, пока рука заживала, он привык пользоваться левой, став, таким образом, левшой.

Udla ezamatohole.
Чужой скот.

Он присвоил

Поговорка эта означает, что кто-то поставил себя в опасное положение из-за собственной недальновидности, и относится ко времени войны между вождями Дингане и Мзиликази (приблизительно 30-е гг. 19 века). Мзиликази, отступая, оставил часть своих стад, рядом с которыми оказался скот проникавших в это время в Натал поселенцев — буров. Все это было захвачено зулусским войском. Конные буры, соблюдавшие нейтралитет, требовали вернуть свой скот, но им под разными предлогами отказывали. Они же, продолжая следовать за зулусами, проникали все дальше в их земли, которые в дальнейшем и присвоили, воспользовавшись поводом возвращения своего скота.

Awuboni, unguMashongwe yipi? Ты не видишь: не
Машонгве ли
ты?

116

Машонгве был одним из соглядатаев, посланных вождем Шакой (см. выше) в земли соседних племен. У него было задание следить за действиями войска Мзиликази, вождя ндебеле. По ошибке он принял большое стадо диких животных за стадо скота, принадлежащего ндебеле и известил об этом вождя (Шаку), который немедленно послал военный отряд, чтобы его захватить. Когда выяснилось, что это была ошибка Машонгве, разгневанный Шака приказал выколоть ему глаза, объяснив это тем, что они для него все равно без пользы. Пословицей пользуются, адресуясь к тому, кто не замечает простых вещей или смотрит невнимательно.

Iqhina likaMbete.
Мбете.

Антилопа

Мбете Нг'обо был известным специалистом по вызыванию дождя во времена вождя Мпанде, брата Шаки. Ручная антилопа, принадлежащая Мбете, играла важную роль в ритуале вызывания дождя. Когда однажды Мбете не сумел прекратить затянувшуюся засуху, люди переложили вину с Мбете на его антилопу. Пословицу приводят, когда стараются не видеть подлинного виновника или ищут для него различные оправдания.

Amaboni abopene, ashiwo "Прориццы свиделись",
— было
nguGcugcwa сказано Гц'угц'вой.

117

Пословица выражает пожелание победившему своего противника не радоваться, так как его ждет та же участь, и речь в ней идет о человеке, жившем во времена вождя Шаки по имени Гц'угц'ва. Он был известен воровством скота у соседей и даже угнал как — то одно из стад, принадлежащих вождю. Когда его захватили и привели к Шаке, Гц'угц'ва не сразу ответил на приветствие Шаки "сакубона" (дословно "я тебя вижу"), и тому пришлось повторить его. В ответ схваченный вор сказал вождю, что когда — нибудь его подданные тоже увидят его, Шаку, вкладывая в это зловещий смысл. Оскорбленный вождь приказал все стадо украденного скота прогнать через связанного Гц'угц'ву, которого положили у выхода из загона, и тот был растоптан. Как известно, предсказание в отношении Шаки сбылось, и он был вскоре убит.

Sobohla Manyosi
Маньоси
Он, т. е. желудок, у
опустился вниз.

Так говорят о людях, которым повезло, но они не думают о завтрашнем дне, когда удача им изменит. Маньоси был доблестным воином у Шаки и еще славился своим обжорством, чему Шака потворствовал, ценя его заслуги. После убийства Шаки Маньоси продолжал пользоваться расположением его брата Дингане. Но когда власть перешла к другому брату — Мпанде, Маньоси,

который поддерживал первого, не получал уже милостей от нового вождя и его рацион был сильно урезан. Над ним стали смеяться, говоря о том, что его желудок, должно быть, опустился вниз от недостатка пищи.

Uyokibuuya yedwa njengedengubo Он вернется
один, как
kaZiyongo
Зийонго.
накидка

Вождь зулусского клана мтетва Дингисвайо (вождь клана с 1808 г.) направил свое войско против вождя Игване Мативане (нач. 19 века). Наступавшими командовал Зийонго. Во время боя кто — то из Игване сорвал с него накидку из мягкой кожи (ингубо). После боя обе стороны отошли назад, не добившись победы. Осторожный Мативане, которому доложили о трофее, решил вернуть накидку ее владельцу, чтобы Зийонго не вернулся за ней с более многочисленным войском. В пословице содержится призыв не совершать спешных действий с непредсказуемыми последствиями.

Упоминающиеся в пословицах и поговорках имена исторических личностей или связанных с ними событий позволяют более или менее точно установить время их возникновения, хотя существуют и косвенные указания на этот счет. Вот несколько примеров:

Ikati lilala eziko

Кошка спит в

очаге.

Т. е. дом настолько беден, что в нем даже не разжигают очаг, чтобы готовить еду. Известно, что слово "икати" (из африкаанс или английского) появилось в языке зулу вместе с началом европейской колонизации. Одомашненной кошки зулусы не знали, а дикую называли "импака".

Usebenzele ihashi elifileyo Он работает за
дохлую

лошадь, т. е. зря.

Слово "ихаши" (заемств. из англ. яз.) также появилось в языке зулу после прихода европейцев.

Wahamba okwejuba likaNoah Он улетел, как
голубь Ноя.

Этот сравнительный оборот появился после перевода Библии на язык зулу.

Insumansutane imali
несуразное, как
yamatkhanda
(госл.)

Это что-то

подушный налог

"деньги за голову").

Означает нечто странное и непонятное. Относится ко времени введения англичанами в стране подушного налога (20-е гг. 19 в.).

Akalibonanga ikadi eliwinqayo Он не увидел (т. е. не угадал) выигрышную карту.

Здесь оба слова в выражении "выигрышная карта" английского происхождения, что указывает на то, что поговорка эта возникла, когда зулусы познакомились с игральными картами после прихода англичан на их земли.

Д. А. Носницын
(Санкт-Петербург)

МОРФОЛОГИЯ НЕЗАВИСИМЫХ ЛИЧНЫХ И УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В АМХАРСКОМ И ТИГРАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

При анализе и сопоставлении независимых личных и указательных местоимений современных эфиосемитских языков (в данном случае — амхарского и тиграйского) становится очевидным

как их общность (в морфемном составе), так и их различие (в морфологической структуре).

Указательные местоимения в амхарском и тиграйском языках являются морфологически сложными и образуются при помощи основ и аффиксов. Можно выделить следующие основы:

В тиграйском языке:

1. -z—основа со значением указания на предмет, находящийся вблизи ('izi 'это');
2. -t—основа со значением указания на отдаленный предмет ('ituу 'тот').

В амхарском языке:

1. -у—основа указательных местоимений без дифференциации значения отдаленности—близости предмета (уас 'та', уиһ 'это').

При сопоставлении с указательными местоимениями в эфиопском можно выявить следующие соответствия морфем:

1. тигр. -z— и амх. -у— соответствуют основе эфиопских указательных местоимений -z— (эф. zi 'этот', za 'эта');

2. тигр. -t— и амх. -h— соответствуют эф. -k—, морфеме, имеющей значение указания на отдаленный предмет (эф. ziku 'тот', ziktu 'тот').

Структура собственно местоимений, значение и состав аффиксов, фонетические изменения в историческом плане (например, k > h > h) рассматривается подробно.

Личные местоимения в тиграйском языке образуются при помощи притяжательных местоименных суффиксов. Эти местоимения

являются инновацией, а группа "старых местоимений", по форме близких к эфиопским, приняла функцию звательного падежа.

В амхарском языке к общесемитским образцам восходят личные местоимения 1 л. ед. и мн. ч. и 2 л. ед. ч.. Местоимения 3 л. ед. ч. имеют основу —iss—, а мн. ч. — —irs—. Эти основы, очевидно, несопоставимы с аналогичными по функции основами в эфиопском и других семитских языках. Морфема — показатель множественного числа inn—(innantä pl. 'вы') соотносится с эф. 'ill— (в illontamus. 'эти'). Особенностью системы личных местоимений в амхарском языке является существование уважительных форм, морфология которых также рассматривается подробно.

Говоря о системе личных независимых и указательных местоимений в амхарском и тиграйском языках в целом, можно сделать вывод, что их структуры в значительной степени различаются как между собой, так и по отношению к аналогичной системе эфиопского языка. Это значит, что рассмотренные местоимения не восходят напрямую к эфиопским, но сопоставимы с ними по морфемному составу, который является большей частью общим, хотя морфемы — составные части местоимений претерпели изменения в соответствии с законами развития соответствующего языка.

В. А. Плунгян
(Москва)

"ВНУТРЕННИЙ ОБЪЕКТ": СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛОГ АКТАНТНОЙ ДЕРИВАЦИИ.

Термин "внутренний объект" традиционно применяется для обозначения имени, которое с синтаксической точки зрения является (прямым или непрямым) дополнением при некотором глаголе V, а с морфологической точки зрения — производным типа S_0 , образованным от этого же глагола V (в том числе, вообще говоря, и супплетивным производным). В семантическом отношении такая конструкция, на первый взгляд, является избыточной: сочетания *петь песню* или *делать дело* обозначают, как будто бы, то же самое, что *петь* или *делать*.

Необходимость более пристального внимания к конструкциям этого типа подтверждается тем, что они широко распространены в самых разных, в том числе и неродственных, языках Европы, Азии, Африки и т. п. Как представляется, во всех случаях (или, по крайней, мере, в большинстве) у этой конструкции существует вполне определенная функция, для выполнения которой в данном языке, как правило, и не имеется других средств.

124

Маскируясь под чисто синтаксическое явление (сочетание глагола с объектом), конструкция с внутренним объектом в действительности является скорее морфосинтаксическим объектом, а "внутренний объект", строго говоря, вообще не должен называться объектом, так как с семантической точки зрения он не относится к числу глагольных актантов. Точнее, присутствие "внутреннего объекта" указывает, в нормальном случае, на то, что семантический объект глагола имеет особый тип референтной соотнесенности: это может быть произвольный (при этом безразлично какой) объект из допустимого класса, некоторый заранее известный (но не нуждающийся в упоминании) объект и т. п. Подобное преобразование существует и хорошо известно; оно может быть описано как один из случаев актантной деривации (референциального типа). Средством его выражения в языках мира чаще всего являются особые словообразовательные показатели глагола (отчасти близкие к русскому *-ся* в конструкциях типа *собака кусается*). Таким образом, внутренний объект является особым синтаксическим средством обозначить ограничения на заполнение объектной валентности глагола — аналогом этого средства в менее экзотических случаях являются деривационные показатели.

Несколько более загадочным, быть может, оказывается подкласс одноместных / непереходных глаголов с внутренним объектом (ср. арабск. диал.

125

К. И. Поздняков
(Санкт-Петербург)

КЛАССИФИКАТОРЫ ВОЛОФ И ИЕРАРХИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ

Одно из важнейших структурных отличий языка волоф от большинства языков атлантической группы, как и от большинства языков нигеро-конголезской макросемьи, состоит в том, что в словоформах существительных волоф не реализуются морфологические оппозиции именных классов. Морфемы — показатели классов входят в состав детерминативов и местоимений. Механизм реализации этих оппозиций в волоф типологически сведен с механизмом реализации оппозиций по роду во французском языке, а в атлантической группе находит параллели только в языках чангин и (с некоторыми оговорками) в языках буй.

Анализ морфем — показателей класса в составе детерминативов и указательных местоимений в волоф подводит к необходимости пересмотреть традиционную для описаний волоф классификацию лексико-грамматических разрядов, при которой в грамматике волоф выделяются, в частности, разряды детерминативов (определенных и неопределенных), с одной стороны, и многочисленных групп местоимений, с другой. Особенности реализации разнообразных морфологических оппозиций в волоф не позволяют, в частности, принять

xəgəz xteza zyiwta 'выйти недолго', букв. 'выйти маленький выход' или русск. *спать крепким сном*), которые, не имея в исходной структуре объектной валентности, не должны были бы быть способны и к ее референциальным преобразованиям. В этом случае синтаксические трансформации с введением внутреннего объекта могут рассматриваться как служащие прежде всего (полной или частичной) транзитивации исходного глагола, а во вторую очередь — как средство авербиональной модификации глагола, замаскированное под изменение диатезы (хорошо известно, что наречия в европейском понимании этого термина свойственны далеко не всем языкам мира, и авербиализация глагола может осуществляться самыми разными средствами, в том числе и описанным выше).

Ср. здесь также конструкции типа русск. *ругательски ругать* или *ревмя реветь*, использующие очень сходный (но все же не тождественный) морфолого-синтаксический механизм; по аналогии с предыдущим случаем, здесь можно было бы говорить об особых "внутренних наречиях" (в данных примерах выполняющих усилительную функцию, но интересна задача их типологического исследования).

традиционную интерпретацию оппозиции по признаку определенности, предполагающую наличие оппозиции следующих форм:

*nit k-u 'человек (определенная форма)'
a-k nit 'человек (неопределенная форма)'.

Как по формальным, так и по семантическим признакам, детерминативы с положительным значением определенности входят в один лексико-грамматический разряд с "указательными местоимениями", в то время как детерминативы с положительным значением неопределенности составляют единый лексико-грамматический разряд с "неопределенными местоимениями". В целом ни на морфологическом, ни на синтаксическом уровне у нас нет оснований выделять в волоф особый разряд местоимений.

В формах личных местоимений (в том числе и посессивов) реализуются оппозиции по признаку лица и не реализуются оппозиции по признаку класса (имеются при этом основания говорить о реализации оппозиции по числу в формах посессивов).

В формах определенных детерминативов реализуются оппозиции по признакам: числа, класса, одушевленности, определенности, дистантности, близости, удаленности.

В формах определенных ("указательных") местоимений реализуются оппозиции по признакам: числа, класса, одушевленности, определенности,

дистантности, близости, удаленности, дейктичности ("этот", "тот"), выделительности ("именно этот", "именно тот").

В формах неопределенных детерминативов реализуются оппозиции по признакам: числа, класса, неопределенности/удаленности.

В формах не определенных местоимений ("неопределенных", "обобщающих", "вопросительных" и др.) реализуются оппозиции по признакам: числа, класса, одушевленности.

Характер морфологических оппозиций в основных определенных формах отражен в таблице 1.

Комментарий к таблице 1:

"Выделительность". Оппозиция реализуется только в тех формах, которые характеризуются положительными значениями по признакам "этот" или "тот". Например, не существует формы **nit k-oo-l-i-le* или **nit k-u-le*, поскольку не существует форм **nit k-oo-l-i* или **nit k-uu* (< **nit k-u-e*). Таким образом, в иерархии оппозиций — оппозиции по признакам "этот"/"тот" занимают более важное место, чем оппозиции по признаку выделительности.

"Этот", "тот". Оппозиции дейктичности реализуются только в формах "указательных местоимений", но не в формах определенных детерминативов, что определяет их более частный характер по сравнению с оппозициями по признаку дистантности. На подчиненный характер этих оппозиций указывает и ограниченный характер их

реализации в сериях "указательных местоимений". Положительное значение "тот" не реализуется в формах на *-i*, т.е. в формах с положительным значением "близкий". Положительное значение "этот" не реализуется в местоимениях с морфемой *-u*, т.е. в местоимениях, нейтральных по признаку дистантности.

Таблица 1.

DEFINITION FOR READING	ENGLISH	SPANISH	CHINESE TRANSLATION
nil k = u	K	0	0
nil k = i	K	0	0
nil k = e	K	0	0
nil k = u (< k = i - e)	K	0	0
nil k = u (< k = a - e)	K	0	0
nil k = i - le	K	0	0
nil k = e - le	K	0	0
nil k = o - le	K	0	0
nil k = oo - le	K	0	0
nil k = ee - le	K	0	0
nil k = au - le	K	0	0
nil k = ay - le	NY	+	+

NAME	TEMPERATURE Sensitivity	ANTIBIOTIC Sensitivity	CHROMOGENIC TEST
ml k-1-10	+	0	0
ml k-1-11	+	+	+
ml k-1-12	+	+	0
ml k-1-13 (1-1-1)	+	0	+
ml k-1-14 (1-1-1-1)	+	0	0
ml k-1-15	+	0	+
ml k-1-16	+	0	0
ml k-1-17	+	0	0
ml k-1-18	+	0	0
ml k-1-19	+	+	0
ml k-1-20 (1-1-1)	+	0	0
ml k-1-21 (1-1-1)	+	+	0
ml k-1-22 (1-1-1)	+	+	0

NAME OF THE STATE	NUMBER OF REGISTERS	SIZE	TYPE	NUMBER OF REGISTERS
mt. K - 0	0	0	0	0
mt. K - 1	0	0	0	0
mt. K - 2	+	0	0	0
mt. K - 3 (< 1, 1, 1, 1, 1)	0	+	0	0
mt. K - 4 (< 1, 1, 1, 1, 1)	+	+	0	0
mt. K - 5 (< 1, 1, 1, 1, 1)	0	+	0	+
mt. K - 6 (< 1, 1, 1, 1, 1)	+	+	0	+
mt. K - 7 (< 1, 1, 1, 1, 1)	0	0	+	0
mt. K - 8 (< 1, 1, 1, 1, 1)	+	0	+	0
mt. K - 9 (< 1, 1, 1, 1, 1)	0	0	+	+
mt. K - 10 (< 1, 1, 1, 1, 1)	+	0	+	+
mt. K - 11 (< 1, 1, 1, 1, 1)	0	0	+	+
mt. K - 12 (< 1, 1, 1, 1, 1)	+	0	+	+
mt. K - 13 (< 1, 1, 1, 1, 1)	+	0	+	+

"Дистантиность", "близость", "удаленность". Характер реализации этих оппозиций позволяет объединить в общий разряд определенные детерминативы и "указательные местоимения", противопоставив их всем прочим разрядам слов. При этом в сериях определенных детерминативов выделяется 3 оппозиции: 1) положительное значение близости/удаленности (формы на *-i*, *-a*) // отсутствие положительного значения (формы на *-u*); 2) близости: *-i* (+) // *-a* (0); 3) удаленности: *-a* (+) // *-i* (0). В формах же "указательных местоимений" выделяется либо оппозиция "близкий"/"удаленный" ("этот близкий"/"этот удаленный"), либо оппозиция "удаленный"/"не удаленный" ("тот удаленный"/"тот не удаленный").

"Число", "одушевленность". Все приведенные в таблице 1 сингуллярные формы могут употребляться во множественном числе, где в волоф, строго говоря, нет оснований усматривать положительное значение по признаку именного класса. Скорее следует говорить о нейтрализации оппозиции по признаку класса в формах мн.ч., где существуют только 2 формы консонантных классификаторов: *pu-* для одушевленных имен и *u-* для имен с отсутствием положительного значения одушевленности. В оппозиции по числу маркированными являются плюральные формы (*u-/pu-* для всех плюральных форм при разнообразии консонантных классификаторов в сингуллярных формах).

Положительное значение определенности и релевантность оппозиции по дистантым признакам противопоставляет разряд дистантых классификаторов со значением определенности всем прочим разрядам слов.

С другой стороны, неопределенные детерминативы могут быть объединены в один разряд с сериями местоимений, большинство из которых относится к местоимений с семантическим компонентом "отсутствие определенности": 1) *a-k lit* 'человек (неопределенная форма)'; 2) *k-een lit* 'какой-то человек', *k-enn-een lit* 'иной человек', *k-err lit* 'любой, всякий человек', *k-an lit* 'какой человек?' и др.

Прежде всего, разряды (1) и (2) объединяются на синтаксическом уровне. Приведенные формы находятся в препозиции к существительным, в то время как все формы, приведенные в таблице 1 (как определенные детерминативы, так и указательные местоимения) — в постпозиции. Релевантность синтаксической позиции можно показать на примере формы *k-err lit* 'любой, всякий человек'. Как только местоимения ставится в постпозицию к существительному, оно утрачивает значение отсутствия определенности с семантическим компонентом "всякий, т.е. неизвестно какой" и получает значение "весь, целый": *lit pu-err* 'все люди'. Таким образом, в так называемых обобщительных местоимениях волоф маркируется отсутствие положительного значения определенности. Примечательно и то, что в формах

неопределенных детерминативов отмечен только гласный *a-*, т.е. гласный, за которым в формах со значением определенности закреплено значение удаленности.

Положительное значение неопределенности имеют при этом неопределенные детерминативы: это значение маркируется двойной инверсией, при которой не только классификатор *a* стоит в препозиции к существительному, но и в форме самого классификатора гласный *a* — стоит в препозиции к консонантному элементу, обозначающему принадлежность существительного к тому или иному именному классу.

В формах неопределенных детерминативов, в отличие от местоимений, нейтрализуется оппозиция по признаку одушевленности: для всех плуральных форм (в том числе и одушевленных имен) отмечена только одна форма неопределенного детерминатива — с согласным *u-* (модель классификаторов для имен, не маркированных по признаку одушевленности): *a-u nit* 'люди'.

Дистантные классификаторы со значением определенности и классификаторы с отсутствием положительных значений определенности и дистантности объединяются в общий лексико-семантический разряд классификаторов, противопоставленный разряду существительных. Вместе с тем, классификаторы могут быть объединены с существительными по признаку релевантности (и для тех, и для других) категории числа, поскольку в ряде существительных волоф

оппозиция по числу также проявляется (хотя и нерегулярно) — но не на морфемном, а на морфонологическом уровне, в результате чередования начального корневого согласного в сингулярных и плуральных формах (ограниченная группа имен — с исходным значением парности?).

Разряды существительных и классификаторов, с одной стороны, и разряды глаголов и личных местоимений, с другой стороны, могут быть противопоставлены и по признаку нерелевантности оппозиций по лицам для первых двух разрядов.

Анализ указанных лексико-семантических разрядов свидетельствует о наличии иерархии морфологических оппозиций в волоф, включающей в частности следующие звенья: число → класс → одушевленность → определенность → дистантность → дейктичность → выделительность.

В.Я.Порхомовский
(Москва)

К РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМИТО-ХАМИТСКОЙ АСПЕКТНОЙ СИСТЕМЫ

В рамках исследований семито-хамитской видо-временной системы в центре внимания

обычно находится бинарная аспектная оппозиция "перфектив / имперфектив". Но при этом, как правило, рассматриваются три базовых аспекта, т.е. включенные в оппозицию перфектив и имперфектив, а также третий аспект, который чаще всего обозначается как юссив или субъюнктив, иногда также аорист. Статус этого аспекта по отношению к двум другим обычно оказывается не вполне ясным.

Весьма характерным примером, иллюстрирующим неопределенность статуса этого "третьего" аспекта может служить трактовка данной проблемы Маргарет Скиннер в ее докторской диссертации по грамматике чадского языка па'анчи. М.Скиннер указывает, что в разделе о видо-временной системе па'анчи она использует терминологию Г.Юнграйтмайера и П.Ньюмена. Здесь необходимо отметить, что Г.Юнграйтмайер и П.Ньюмен придерживаются диаметрально противоположных взглядов на эволюцию видо-временной системы в чадских языках, однако оба признают, что в ее основе находится бинарная оппозиция "перфектив — имперфектив". Г.Юнграйтмайер даже специально подчеркивал: "There can never be more than two aspects in the frame of such a concept." Далее М.Скиннер пишет: "...according to their usage aspect covers the distinction between Perfective and Imperfective and in the case of Pa'anci, Aorist." Это добавление аориста к бинарной оппозиции "перфектив — имперфектив" показывает, как конкретный языковой материал оказывается

сильней, чем теоретическая модель. Итак, М.Скиннер включает в число основных три аспекта: два, образующих бинарную оппозицию "перфектив — имперфектив", а также третий, аорист, с неясным статусом по отношению к двум первым.

К проблеме этого третьего аспекта мы еще вернемся ниже. Если ограничиться рассмотрением только основной аспектной оппозиции, то возникает вопрос, каким образом она сформировалась. По этому поводу в семито-хамитском историческом языкоznании высказывались различные точки зрения. По одной из них аспектная оппозиция вторична: первоначальные различия этих двух форм были скорее просодическими. Иными словами эти две формы были противопоставлены друг другу лишь как Allegro-Aussprache и Lento-Aussprache. Эту концепцию предложил А.Клингенхебен, подвергнувший критике гипотезу О.Ресслера о первичном характере оппозиции "перфектив — имперфектив". Ресслер реконструировал противопоставленные друг другу полногласные и неполногласные префиксальные формы соответственно для имперфектива и перфектива с апофоническим 'a' в основе имперфектива. Наиболее древним засвидетельствованным рефлексом этого архетипа является аккадская оппозиция: *-prus/ -paras*. В рамках этой гипотезы "третий" аспект, т.е. юссив/аорист, примыкает к перфективу, поскольку также не имеет апофонического 'a'.

Эту реконструкцию поддержали И.Фридрих и И.М.Дьяконов. По-видимому, эта вторая гипотеза ближе к реальному языковому материалу, что является ее безусловным преимуществом. Однако очевидным представляется и различие в глубине реконструкции, поскольку вопрос о том, как сформировалась эта оппозиция, остается открытым. Можно лишь заметить, что в неявной форме также и здесь предполагается в качестве исходной форма неполногласного перфектива, от которой с помощью апофонии образуется имперфектив.

Ниже дается краткое изложение вероятного пути формирования в протосемито-хамитском бинарной оппозиции "перфектив — имперфектив", а также места, которое занимает в общей системе юссив/аорист. Для семито-хамитских языков характерным является противопоставление перфектива всем остальным спрягаемым видо-временным формам. Это хорошо видно на примере чадских языков. Из-за недостатка места ограничимся примером из языка хауса. Как показали П.Ньюмен и Р.Шу, в языке хауса перфект (т.н. форма *SUN*) противопоставлена всем остальным формам, включая форму продолженного действия/состояния (форма *SUNA*), хотя при поверхностном подходе именно форма *SUNA* и ее вариант, употребляемый в релятивных конструкциях — форма *SUKE*, противопоставлены остальным, поскольку только в них употребляется отлагольное имя, а не финитная форма глагола, как во всех остальных формах, включая форму *SUN*.

Однако согласно Ньюмену и Шу личные местоименные показатели формы *SUN* имеют принципиально иное происхождение, чем эти показатели во всех других спрягаемых глагольных формах хауса. Имеется и ряд других серьезных отличий, в частности на уровне синтаксиса.

Подобное положение с особым статусом перфектива имеет многочисленные типологические параллели в языках мира. Согласно историко-типологическому исследованию формирования временных и видовых систем, проведенному Дж.Байби и О.Далем, примерно для половины языков характерна следующая ситуация: имеется оппозиция "перфектив — имперфектив", причем в дальнейшем на основе имперфектива образуются две формы — прошедшее время и не-прошедшее время (*past* — *non-past*), т.е. всего получается четыре формы: перфект, не-перфект; прошедшее, не-прошедшее. В модели Байби и Даля существенным является то обстоятельство, что развитие идет именно этим путем, т.е. что в основе лежит видовая оппозиция, а категория времени оказывается вторичной. В принципе возможен и обратный путь: исходная оппозиция "настоящее время — прошедшее время" с развитием в прошедшем времени противопоставления "перфектив — имперфектив" с примерно таким же конечным результатом. Но по Байби и Далю возобладала именно первая линия развития.

В дальнейшем перфектив и прошедшее время часто сливаются, и образованная форма

совершенного прошедшего (*perfective past*) противопоставляется всем остальным. Таким образом, Байби и Даль предлагают трехчленную базовую модель, включающую две оппозиции, временную и видовую: а) *perfective past* — *imperfective (non-past)*, б) *perfective past* — *past*. Семито-хамитские языки включаются авторами именно в эту схему, которую они считают самой распространенной в языках мира.

В чисто структурном отношении с помощью этой трехчленной модели достаточно удобно объяснить ту неясность в реконструкции семито-хамитской аспектной системы, о которой шла речь выше, т.е. необходимость сочетать исходную бинарную оппозицию с наличием трех (а не двух) основных аспектов. Однако представляется достаточно очевидным, что предложенный Байби и Далем процесс превращения бинарной оппозиции в четырехчленную, а на следующем этапе в трехчленную модель не находит убедительного подтверждения на семито-хамитском материале. Более убедительной, видимо, является следующая модель исторического развития протосемито-хамитской аспектной системы: в исходной оппозиции "перфектив — имперфектив" перфектив является немаркованным членом; затем образуется вторичный сильный перфектив, а первичный слабый постепенно вытесняется на периферию аспектной оппозиции, так что он постепенно начинает приобретать функции юссива или аориста.

Таким образом складывается ситуация с тремя аспектными формами, составляющими две привативные оппозиции, в каждой из которых немаркованным членом оказывается первичный (старый) перфектив, противопоставленный в одном случае первичному имперфективу, а во втором — новому перфективу, т.е. перфекту. Когда старый перфектив окончательно вытесняется из первоначальной аспектной оппозиции, она приобретает новое содержание: "новый перфектив — имперфектив", где имперфектив по-прежнему является маркованным членом. В результате весь процесс может повторяться, что произошло, как известно, в эфиосемитских языках. Отсюда становится понятным, почему юссив/аорист совпадает с перфективом по признаку отсутствия апофонического 'a' в основе в противоположность имперфективу.

На то, что юссив мог произойти из перфектива, ср. очевидные признаки значения перфективности юссива в древнееврейском, арабском и геэзе, указывал Е.Курилович в первоначальном варианте своей теории апофонии в семитских языках. Способы образования нового перфектива варьируют в разных языках. Так, например, в аккадском для этой цели была использована порода *T* от формы имперфектива, в центральных семитских языках — причастная форма, аналогичная аккадскому стативу, в эблайтском, видимо, отражено переходное состояние сосуществования обеих форм — старого и нового перфектива (ср. также *parfait* и *gérondif* в

тигрины, *accompli* и *accompli résultatif* в туарегском). Разумеется, для чадской и других семито-хамитских ветвей, не имеющих длительных письменных традиций, весьма затруднительной является задача определить, какую именно стадию этого процесса отражает современное состояние. Кстати, именно от того, какая точка в этой "круговой" эволюции принимается за исходную, и находится, видимо, глубинная причина различий в подходе Г.Юнграйтмайера и П.Ньюемена к реконструкции чадской глагольной системы.

Естественно, что последующий цикл никогда не являются точным повторением предыдущего, что хорошо видно на примере эфиосемитских языков. Более того, в различных языках этот процесс может иметь значительные вариации в том, что касается функций старого перфектива и способов образования нового, а также их соотношения между собой. Наконец, разные языки, относящиеся к одному и тому же синхронному срезу, часто находятся на разных стадиях единого процесса. Если к этому добавить, что различные авторы могут трактовать в качестве одного из членов основной бинарной аспектной оппозиции как старый, так и новый перфектив, то становятся легко объяснимыми наблюдаемые противоречия в имеющихся грамматических описаниях при одновременном соблюдении некоторой общности типологических характеристик.

Ф. И Рожанский.
(Москва)

НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ КАК СЛОВАРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ В ЯЗЫКАХ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

Не является открытием, что многие проблемы, возникающие при типологическом изучении языков, обусловлены невозможностью исследователя полностью абстрагироваться от той языковой традиции, к которой он сам принадлежит. В частности, это факт хорошо подтверждается историей изучения африканских языков. Миссионеры прошлого века, являющиеся во многом первопроходцами в африканистике, нередко пытались навязать грамматические категории и оппозиции своего родного языка тому языку, который попадал в сферу их интересов. Несмотря на очевидные достижения в понимании устройства африканских языков существует еще немало вопросов, ответ на которые дается в большей степени в силу сложившейся традиции, чем исходя из содержательных лингвистических соображений.

К одной из наиболее "консервативных" в этом смысле областей можно, по-видимому, отнести и лексикографию. Принципы составления словарей,

то есть, прежде всего та информация, которой снабжаются лексические единицы, не всегда в достаточной степени соответствует реальности исследуемого языка. Возможно, наиболее важной задачей лексикографии является именно выявление словарных характеристик, которыми снабжаются лексемы (например, переходности для глаголов, рода для существительных и т.п.). Такого рода информация, как правило, не следует из внешнего вида лексемы. При этом знание этой характеристики в высшей степени необходимо, поскольку любая связанная с ней ошибка приводит к грубому нарушению грамматической правильности.

В рамках вопроса о характеристиках, могущих претендовать на включение в словарь, мы рассмотрим группу глаголов, традиционно называемых "глаголами перемещения".

Приведем несколько примеров из языков Западной Африки.

Сонгай:

zanka ga koy hausa ra
мальчик Наст.вр. идти лес в(Э)
Мальчик идет в лес

zanka ga fatta hausa ra
мальчик Наст.вр. уйти лес в(Э)
Мальчик идет из леса

zanka ga dira hausa ra

мальчик Наст.вр. ходить лес в(Э)
Мальчик ходит в лесу

Сусу:

mixí sigá -fē tāà kùí
человек идти к — Прогр деревня в(Э)
Человек идет в деревню

mixí kèlí -fē tāà kùí
человек идти от — Прогр деревня в(Э)
Человек идет из деревни

Фула:

o naati suudu
он войти(Перф) дом
Он вошел в дом

o yalti suudu
он выйти(Перф) дом
Он вышел из дома

(помета Э у послелога означает "эссивный", то есть, не передающий направления движения, Перф — перфект, Прогр — прогрессив).

Как несложно заметить, все эти конструкции имеют общую черту, отличающую их от конструкции, характерной, например, для индоевропейских языков: направление движения (то есть, движется ли субъект по направлению к ориентиру или же от него) не выражается ни при помощи предлога/послелога, ни при помощи

падежных форм (которые вообще отсутствуют в рассматриваемых языках). Вся нагрузка по передаче этого элемента смысла (то есть, направления движения) ложится исключительно на глагольную лексему. Таким образом, исходя из этого свойства глагольных лексем, все глаголы перемещения могут быть разделены на три класса: глаголы эссивные, лативные и элативные.

Далеко не всегда словарные характеристики, с которыми приходится иметь дело лексикографу, могут быть однозначно приписаны той или иной лексеме (например, помета *singularia tantum* у некоторых лексем русского языка нередко является в высшей степени спорной). Однако определить принадлежность глагольной лексемы к одному из трех отмеченных классов предельно просто. Пусть имеется некоторый контекст в следующем представлении:

S ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ L P,

где *S* — это некоторый субъект перемещения, *L* — некоторый ориентир, относительно которого происходит перемещение, а *P* послелог (или предлог для соответствующих языков — тогда он, естественно, будет располагаться перед ориентиром). На место компонента "перемещается" можно поместить тестируемый глагол. Так, если зафиксировать некоторые значения переменных *S*, *L*, и *P*, например, "мальчик", "лес" и "в (эссивное)" соответственно, то тогда конструкция

МАЛЬЧИК ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ ЛЕС В

может трактоваться следующими тремя способами: (а) 'Мальчик перемещается в лесу', (б) 'Мальчик перемещается в лес', (в) 'Мальчик перемещается из леса'. Глагольные лексемы, обеспечивающие варианты трактовки (а), (б) и (в) будут соответственно идентифицироваться как эссивные, лативные и элативные.

В заключение приведем одну типичную для языков Западной Африки конструкцию, на примере которой можно видеть менее тривиальный способ использования оппозиции лативный vs элативный глагол.

Сонгай:

hokaw ga zuru sajo ra
охотник Наст.вр. бежать лес в(Э)
Охотник бежит в лес

hokaw ga zuru ka fatta sajo ra
охотник Наст.вр. бежать ИнфП уйти лес в(Э)
Охотник бежит из леса

(ИнфП — показатель инфинитива)

В данном случае лативный глагол *zuru* 'бежать' не имеет парной противопоставленной по направлению движения лексемы, поэтому для передачи смысла 'бежать из' в предложении появляется две глагольные лексемы — одна из которых передает

способ перемещения (*zuru*), а другая — направление (элативный глагол *fatta* 'уйти').

Итак, поскольку устройство конструкций со значением перемещения определяется свойствами глагольной лексемы (является ли она эссивной, лативной или элативной), эта характеристика в полной мере претендует на право быть лексикографической, то есть той, которая должна отражаться в словаре.

О.В.Столбова
(Москва)

КОРНЕВЫЕ ВАРИАНТЫ В ЧАДСКИХ ЯЗЫКАХ¹

Под корневыми вариантами мы понимаем слова, "которые имеют одинаковое значение при незначительном различии звучания (чередование согласных одних и тех же гоморганных рядов)" ([Майзель 1983, стр. 149]). Общепризнано существование огромного количества корневых вариантов в семитских языках, например:

Аkkадский *daragg-*, древнееврейский *ma-dreeg-* *aa*, арабский *darag-* "дорога, тропа", *darag-a-* "лестница, ступенька", арамейский (сирийский диалект) *darg-* "ступенька" — — — древнееврейский *dārāk* "путь, дорога", арабский *darak-* *a-* "ступенька".

Арабский *sgl* "лить, проливать (жидкость)", *sagūil-* "полный слез (о глазах), полный воды водоеме" — — — арабский *sgr* "заполнять русло воде), арамейский (сирийский диалект) *šgr* "течь слезах)".

Аkkадский *nkl* "быть хитрым, коварным", еврейский *neekāl*; арамейский *nkl* "хитрост, коварство" — — — арабский *nakr-* "хитрост, коварство" (Майзель 1983, с. 162, с многочисленные примеры в гл. 11—13).

Подобные же варианты на чадском материале всегда относят на счет нерегулярности рефлексов отдельных языках. С увеличения чадского лексического фонда стало очевидно, что следуя говорить не об уникальной нерегулярности рефлексов, а о корневых вариантах на прачадском уровне. В некоторых случаях удается обнаружить семантическое различие. Можно надеяться, что число корневых вариантов будет расти появлениям новых словарей с хорошо проработанной семантикой, и, очевидно, можно будет говорить и о корневых вариантах на праафразийском уровне.

¹ Статья написана при поддержке Российского Фонда Гуманитарных Исследований.

Собранный нами материал содержит, в частности, следующие прачадские корневые варианты¹:

**ti/ak*- 'делить': W 3 Bol *tikk-*, Dera *tik-*, Tng *tikt*; C 2 Klб *atikəbıyà*, Mr *tikiya*; 3 HN *ntəkure*, FK *ntəkətu*, HG *təgəvure*, FG *txuvır*; 4 FM *tik*, FJ *təka(bi)*, Gudu *təkeč*; 5 Glv *tá-taka* 'середина', *tagw* 'делить, отделять', Zxv *takunapù* 'делить' / арабский *mtq* 'разрезать пополам' ~ *cak- 'делить': C 1 Gaa *čəkə-nxa*, Gbn *čək-*, Boka *saga-dixi*; 7 Mafa *cak*. Заметим что корни различаются вокализмом, кроме того, в языке Boka *s-* не восходит к **t-*.

*tir-/*tur- 'поднимать(ся)': W 1 Hs *číra* 'поднимать'; 3 Pero *túru* 'взбираться', Tng *ture* 'прыгать, просыпаться, вставать'; C 1 *tir-s 'взбираться': Gaa *tir-si*, Gaa *tər-si*, *tl̩r-zi*, Hwo *tur-đusù*; *turi 'поднимать': TP *dira*, Hwo *turanj*, Gaa *itiri*, Gbn, Boka *tiri*; 4 *ndVr- < *ntVr- 'поднимать' > FJ *ndur*, Bch *dēt*, FM *ndiri*; E 5 Mig *tōr-sò* 'подпрыгивать' /Akk *tarū*, Eg *tw'* 'высоко поднимать' ~ *čar- 'вставать, подниматься': W 5 Grnt *šeeri*, Say *sari* 'встать'; C 9 Bud *čar* 'всходить (о солнце)'; 12 Peve *čár* 'вставать', Lame *cár* 'ressusciter' / Arab *twt* 'подниматься и распространяться в воздухе (о пыли)'. Корневые

¹ Прачадские реконструкции стоят под знаком *, названия языков по техническим причинам даны в латинице (см. список сокращений), лексика приводится по группам (W — западная, C — центральная, E — восточная), а внутри группы — по подгруппам. Если значение в языке или группе совпадает с общепрачадским, оно не повторяется.

варианты различаются также и гласными. В W Grnt, Say начальный *s* — не может восходить к *t. Кроме того, удалось обнаружить семитские параллели для обоих чадских корней.

**tu[q]-* 'толкать,протыкать': W 3 Tng *tug* 'отталкивать,гнать'; 6 Bok, DB *tuk* 'толкать'; C Lame *túkó* 'пробка'; 6 Mok *túúké* 'протыкать' / ара *tw̩b* 'entrer, pénétrer et s'enfoncer dans un corps (doigt)' ~ **a-žuko-* 'протыкать, толкать': W ср. 1 H *zúúkaa* 'втягивать в себя табачный дым'; 3 Kri *nzükwa* 'толкать'; 4 Wrj *nzaķw-* 'протыкать'; 5 Ge *žékká* 'толкать'; С 5 Mafa *žukw-* 'протыкать' 8 Guo *žékkú* 'застрять в щели'/ Arab *bzq* 'поразить цель стреле), проткнуть' ~ **ʒVk-* 'подвинуться': W 1 H *zaáku-daa* 'подвинуться и дать кому-нибудь место'; 2 Mpn *zék* (< **-ʒVk-*) 'слегка подвинуться'; С 5 Ma *ža-žék* 'направить кого-то в определенное место, принудить'; 12 Lame *žík* 'подвинуть'; Е 2 Kera *sòd* 'подвинуть, толкнуть'. К двум из трех корневых вариантов удалось обнаружить семитские параллели. Отметим, что варъируют и начальные, и конечные согласные (*t* ~ *ʒ* ~ *ʒ* и *[q]* ~ *k* ~ *k'*). Третий корень отличается и по семантике.

*tab-*ok*- (< *tab-*ok*-) 'грязь, ил': W 1 Hs *tâbô* 'глина, грязь'; 3 Bol *tébbi*, Pero *tébč* 'грязь, ил', *téel* 'глиняный пол', Tnd *budeke* (метат.) 'грязь, ил'; *tabok- > Wrj *tâbâku*, Cagu *ndabáky* (*nt- > nd-), Si *tâbâhi*, Diri *âtubâkù*, Mb *ndabáku*, с метат.: Wrj *tâkwaþa*; Miya *dâgwâbu* (регressive ассимиляция начального t-), Jmb *tâkwâba*; C 1 Gaa *tâp-ta*, TP *tâb-di*, Gb

təp-tà, Boka *təp-tà*, Hwo *tab-ura*; *n-tukob > 2 Wmd *cukwəbi*, Mr *nckəbò*; 4 FJ *žugwābi* (метат.) / Сомали *dobo* 'грязь, ил', арабский *tb* 'быть грязным' ~ **duhab-* > *dVb-* 'грязь': W 3 Ngm *ndèbi* (вторичная эмфатизация) 'грязь, ил'; 5 Brm *ndòp*, Pol *nduwəp*, Dwot *ndwəp* (**b-* > Гр) 'грязь, ил'; С 2 Chb *ndiyabù*, WM *ndùyabàx*, *dahəbè*; 4 FM *dùbu* 'грязь, ил'; Е 1 Kera *dòbè* 'мутить', *dàbì* 'отхожее место'; 3 Tum *dùbo* 'грязь' ~ **ncab-* (> **ncab-*) 'грязь, ил': W 1 Hs *cabò*; 3 **ncab-*: HB *nzabo*, FK *nc'ábu*, Kap, HN *nzabè*, HF *nzebò*; 2 KlB *cábù*; 5 Mafa *cab-cabba'a* 'грязный, липкий'; 8 **sobw-* (< **çabw-*): Bch *sòbwe*, Mwl *sóbá*, Gudu *çobò*.

**tp-* 'закрывать, покрывать': W 1 Hs *tífa* 'закрыть, покрывать': W 1 Hs *tífa* 'закрывать, покрывать'; C 1 TR *đérđ-ha* 'закрыть'; 7 Gis *dop*, Mofu *-đär-* (в CCh рефлекс медиального Ch *f) / Arab *'tf* 'закутаться', Gz *'tf* 'свернуть, завернуть' ([Leslau, 1987: 76]) ~ *çabu 'закрывать, покрывать': W *çabu > *çabu > *zabu*: 4 Siri *şebu*, Paa *žábù*, Cagu *zàb-*, Mb *žab-*, Diri *zâbháá*; С 2 Mr *nžəbu*; 8 Gude *žëba* (< */n/çVba) 'заворачивать' / сп. Eg *đb* 'одеваться'. Оба корневых варианта имеют внешние параллели.

**tub-* (> *tub-*) 'лить, быть мокрым': W 3 Рето *túbbò* 'вылить'; Е **[t]ub-* 'мокрый': 2 KlB *túbu*, Nan *tibe*; 3 Som *tuba* / Gz *nib* 'капать', Оромо *điuba* 'мочить' ~ **žub-* 'лить, быть мокрым': W 3 Bol *žubb-*, Dera *žòbè* 'лить'; 7 Ngz *ži-čbu* (диссимиляция) 'брызгать'; С 'быть мокрым': 5 Mofu *žeb*; 6 Daba *žip* / Akk *zâbu*

'лить', Arab *dwb*, *d'sb* 'таять'. Оба корня имеют семитские соответствия.

tim-* 'собирать (в кучу)': W 1 Hs *timà*; 3 Рето *témtò* 'очищать, собирать мусор'; С 5 Mafa *téma'a* 'большая куча'; Е 5 Mig *timmò* 'собирать(ся)' / Arab *tmm* (i) 'заканчивать', 1Y порода 'собираться', сомали *tuum-* 'собирать в кучу' ~ **dVm-* (? **diHom-*/Hdm-*) 'собирать': W 1 Hs *dími* 'в большом коли-честве'; 3 Tng *domi* 'собирать, складывать'; 5 Dira *ya dòmi*, Pol *zimi*, Bgh *dume* 'собирать'; Е 3 Tum *dòom* 'урожай' (н.) // Eg *dm.dy.t* (МК) 'собирать' ~ **çam-* 'собирать, присоединяться': W 1 Hs *çamme* 'присоединяться'; 3 Krkr *çam-* 'собираться'; С 2 Wm *cumiyà* 'собирать' (tr.), KlB *ácím-tù*, Mr *cùŋ-gwiya* (*-ŋg-* < **-mg-*) 'собирать'; 3 HN *cum-té*; 5 Mofu *çóm-* 'собираться', Mafa *cám-* 'собирать (в кучу)'; 8 Gude *cém-* 'собирать' / Arab *tmm* 'собирать(ся)'. Все три корневых варианта отражены в хауса и имеют внешние параллели; первый и третий различаются гласной.

**[ç]Vq-* 'собирать(ся)': С 4 Glv *cax*; 12 Lame *cókó* 'собираться, есть вместе'; Е 5 Dng *súkè*, Bid *sok* 'собирать, приносить'; 6 Mok *ziki*, *siki* 'собирать, приносить'. ~ **zaq-* < **pízaq-* 'быть вместе, собираться': W **zaq-* > 1 Hs *zákù-mii* 'компания, сбор'; 2 Ang *šak*, Sura *šæk* 'собирать', Ang *šak* 'вместе'; С **di-zaq-* > 4 Gava *žéha-nufà*, Zxw *žax-nəfè*, Nak *zíra-nzixa* 'собирать', Glv *žax* 'собираться, приходить вместе'; 5 Mafa *nžockw-* 'собирать(ся)'; 12 Lame *nžék* 'собирать людей, объединяться'.

Корневые варианты различаются в языке ламе; кроме того, хауса и восточночадский не могут восходить к одному и тому же корню.

**za'*/w/y- > **za'aw*-/*zayaw- 'веревка': W 4 *žawa: Wrj *žáú-ná*, Kar *žau*, Miya *zyáu*, *žówu*; 7 Ngz *zayı*, Bade *zayi*; C 1 Tera *zo*, TP *zùwa*, Boka, Gbn *sax-tà*, Gaa *səx-ta*, *səxú-rà*; 3 *zuw-: HN, Kap *zùwe*, HB *zùwo*, HG *zùwi*; 4 **za'*/aw-: Mnd *zəwa*, Gava *zàwà*, Glv *zəwə* 'тюре', Mnd *záawa*, Glv *záwà*; 5 Mafa *záyá*; 8 *zaw-/*ziy- (> **za'uw*-): Gudu *zò*, Nzn *zo'o*, FB *zù'w-un*, FM *zù'u*, FJ *ziyə-gwe* Gude (H) *zə'wá*; 12 Mm *siau-na*, Bnn *siyəw-nà*, BM *siaw-na*, LPe *žeo*, Lame *ižáú*, Lame *zeo*; E 1 Tum *ha*, Ndam *hă* / Eg *izy* (NK) ~ *žaw- 'привязывать': C 5 Gis, Mafa *žaw*, Mofu *žaw*; 12 Zime *žeo*, Peve *žaw* 'привязывать', Lame *nžá'a* 'развязывать'; E 1 Tum *žəw* 'привязывать'. Корневые варианты различаются по семантике и рефлексами в языке тумак.

*čVw-/čVy- 'ловить рыбу': W 3 ср. Tng *saa* 'сеть для ловли рыбы или зверя'; 4 Kar *čiwu*, Paa *čicu*; 7 Ngz *šiyú* 'ловить рыбу', Bade *ma-súuy-an* 'рыбак'; C 12 Lame *cu*; E 7 Mok *sáwwè* ~ *ča/i- 'брать, хватать': W 3 Krkr *čaw*; 4 Paa *čei*; C 5 Mafa č- 'брать, держать', Gis *že* 'схватить'; 9 Bud *ča*, Log *si* 'поймать'; 10 Mba *saw* 'поймать'; 11 Gdr *čɔ* 'поймать'; E 6 Mok *ze'iyb* 'ловить'/ Eg *d'* 'catch'. Корневые варианты различаются по семантике, а также рефлексами в языке мокилко.

Сокращения:

Akk Akkadian, Ang Angas; Arab Arabic, Bch Bachama, Bid Bidiya, BM Banana Musey, Bnn Banana, Bok Bokkos, Boł Bolewa, Bud Buduma, C Central, Ch Chadic, Chb Chibak, DB Daffo Butura, Dng Dangaleat, E East, Eg Egyptian, FG Fali Gili, FJ Fali Jilvu, FK Fali Kiria, FM Fali Mucella, Gaa Gaanda, Gbn Gabin, Gis Gisiga, Glv Glavda, Grnt Guruntum, Gz Geez, HF Higi Futu, HB Higi Baza, HG Higi Ghye, HN Higi Nkafa, Hs Hausa, Hwo Hwona, Jmb Jimbin, Kap Kapsiki, Kar Kariya, Klb Kilba, Krkr Karekare, LPe Lame Peve, Mb Mburku, Mig Migama, Mm Misme, Mnd Mandara, Mok Mokilko, Mpn Mupun, Mr Margi, Mwl Mwulyen, Nak Nakatsa, Nan Nanchere, Ngm Ngamo, Ngz Ngizim, Nzn Nzangi, Pol Polchi, Say Sayanchi, Som Somray, Tng Tangale, TP Tera Pižimdi, Tum Tumak, W West, WM West Margi, Wmd Wamdui, Wrj Warji, Zxw Zaxwana.

Литература:

Майзель 1983 — Майзель С.С. Пути развития корневого фонда семитских языков. М., "Наука", 1983.

Biberstein Kazimirski, A. ,1846, Dictionnaire arabe-français, Paris.

Erman, A., Grapow, H., 1937, Wörterbuch der ägyptischen Sprache, B.

Leslau W, Comparative Dictionary of Geez. Wiesbaden, 1987.

Ю. Г. Суэтин
(Москва)

ВЫРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ КАНУРИ

В языке канури существует весьма интересная система выражения пространственных отношений. Так, выражения типа "где-либо", "в чем-либо", "на чем-либо" или "у чего-либо" и "через что-либо" могут быть переданы путем постановки слова, называющего пространство, в один из двух падежей — ablativ или lokativ. Так, слово канури *fate* означает "дом", но *fate-n*, где — *n*, суффигируемый формант, — показатель ablativa, означает "в доме", "дома". Слово *njim* в канури означает "хижина", а *njim-puin* — "в хижине". *Fər* означает "лошадь", а *fər-puin* означает "на лошади" (— *n* — показатель ablativa для основ, оканчивающихся на гласный, — *puin* — для основ, оканчивающихся на согласный). Существует еще третий показатель ablativa — *lan*, который может заменять как — *n*, так и *puin*.

Слово *dəli* "саванна", употребленное в lokative, *dəli-mben*, означает "через саванну", где — *mben* — показатель lokativa. *Njim-mben* может означать либо "через хижину", либо "у хижины".

Однако двух падежей недостаточно, чтобы передать все разнообразие пространственных отношений, существующих в реальном мире. В

канури существует ряд слов, выступающих в качестве предлогов при выражении пространственных отношений. Это *suro* "желудок" — в, внутри, *kala* "голова" — на, *fugu* "лоб" — перед, *bottom* "дно" — под, *ngave* "спина" — за, сзади, *lv* "место" — у, с, *botoğو* "близость" — рядом, *davu* "середина" — посреди и т. д.

В сочетании с другими существительными, называющими пространство, эти слова конкретизируют местонахождение объекта в этом пространстве, например, "внутри дома", "перед рынком", "под деревом" и т. д.

Слова, выступающие в качестве предлогов, стоят перед словами, называющими пространство. Последние оформлены показателями сразу двух падежей — сначала genitiva, а потом ablativa. Например: *suro njim-be-n* "в хижине", где — *be-* — показатель genitiva, а — *n* — ablativa; *kəla koroven* "на осле", где — *ve-* — показатель genitiva, а — *n* — ablativa; *botoğو kati-ve-n* "рядом с женщиной"; *ngavo kasugu-ve-n* "за рынком".

При употреблении предлога *susu* "вместо" вторым суффигирующим формантом, оформляющим существительное, называющее пространство, является показатель не ablativa, а dative, — *re*; *susu ava-ve-re* "вместо отца", *susu malan-ve-re* "вместо малама".

Если слово, стоящее после предлога *kala* "на", оформлено сначала показателем ablativa, а потом akkusativa, или же по схеме "акkusativ — ablativ

— аккузатив", то предлог *kəla* передает в данном случае значение "к", "по направлению к...": *kəla kasugu-p-ga* "к рынку", *kəla fəlk-p-na* "к западу", где *-nga* или *-nna* являются результатом фонетической ассимиляции показателей аккузатива и ablativa *-ga-p-ga*.

Если слово, называющее пространство, оформлено каким-либо местоимением — указательным, неопределенным — или притяжательным — или же прилагательным, показателями падежей в этом случае будут оформляться эти местоимения или прилагательные: *fate ate-p* "в этом доме" (*ate* "этот"), *sure fate kura-ve-p* "в большом доме".

В рамках данного краткого сообщения не представляется возможным дать исчерпывающую характеристику всей системы выражения пространственных отношений в языке канури, и данная проблема, разумеется, нуждается в дополнительных исследованиях.

Литература:

1. J. P. Hutchisen. A Reference Grammar of Kanuri Language. Boston, 1980.
2. J. Lukas. A study of Kanuri Language, 1938.

G. Takács
(Budapest)

THE AFRASIAN ORIGIN OF EGYPTIAN RM "FISH"

This most common term for "fish" in Eg. has so far been lacking a reliable etymology in the AA lexical stock. Marcel Cohen's (1947, no 466) equation to Sem. **nūn-* "fish" (Hebr., Ar.) is incorrect for the phonology, while the most recent comparison (as an areal parallel to PDrav. *irāna "sp. fish" (Václav Blažek) is dubious for geografical and chronological reasons.

The Egyptian popular etymology (attested as early as the VIth Dyn.) derived *rm* "fish" from *rmj* "weinen" (Gamer-Wallert), the firm cognate to ECu. **'ilm-* "tears" (Sasse) ~ Ccu. **'arəŋʃ'-* "id." (Appleyard) ~ SCu. **'ilíma* "id." (Ehret) ~ SOm. Äri *erma* "tear" (Dolgopolksy), which perhaps represent an archaic AA compound **'il-* "eye" + **mu-* "water" (Dolgopolksy; Blažek).

In ancient Egypt, on one hand, fish was a common and popular kind of food; on the other hand, it was considered as an impure creature (from the viewpoint of religion). Thus, in the calendar lists of the late NK, eating fish is forbidden on certain days of religious importance. One cannot find fishes in any offering list either. In a postscript

to the 64th Utt. of the BD, abstinence from eating fish is one of the conditions of religious purity as cleaned feet, no intercourse with women. The same view is attested in the famous inscription of king Pianhi (747-716 BC), also Clemens Alexandrinus (Stromata VII, 33, 8) and Herodotos (II, 37).

I. Camer-Wallert emphasizes that this taboo was characteristic of the late NK and the Late Period with no earlier traces. Nevertheless, the evidence of comparative linguistic data speaks for that the ancient Egyptians' belief regarding fish as an impure worm like creature often associated with the bad, rotten smell had earlier roots than the NK; cp. the following inner Eg. innovations:

a) Eg. *wbbw* "Art Fische" (MK) ~ *bw* "Ausdruck für Schmutz" (CT), *b* "Unheil, Sündhaftes, (Gr.) Schmutz, Unreines" (NK) ~ Sem. Geez *əbə*, Tigrinya *iba*, Amhara *əbat* "dung" (borr.?) ~ WCh. Bade *áaban* "feces" (Blažek: Ethio-Sem. + WCh.) ~ CCh. **'ub-* "excrements" (Stolbova).

b) Eg. *bw.t* "Art Fisch (dessen Genuss als religiös unrein gilt)" (OK) ~ *bwj* "verabscheuen" (OK), *bw.t* "Abscheu, das Widerliche" (Pyr.) — both with the "fish" determinative attached to the root **bw* (Barbus bynni; Gardiner) ~ Berb. Tuareg *buuyy-æt* "verabscheut werden, verachtet sein" (Zyhlarz) ~ (?) HEGu. **bob-* "to smell bad, stink" (Hudson) ~ CCh. **bu-* "excrement" (Orel-Stolbova) and perhaps Buduma *bobi* "Ton, Lehm".

c) Eg. *hm.t* "Art Fisch" (LP) ~ *hm.t* "Unglück, Übel" (Gr.), which is evidently more archaic, cf. ECu. **ha/um-bad* (Sasse) > PSam. *hum, pl. *hum hum "id." (Heine).

d) Eg. *ftt.w* "Bez. der Fische" (BD) ~ *ft* "sich ekeln, überdrüssig sein" (Med.) ~ HECu. **fuut-* "to fart" (Hudson) ~ WCh. Angas *fut*, Ankwe, Sura *füt* "to vomit" (Greenberg; Illič-Svityč: WCh. + Eg.).

e) Eg. *bw.w* "die Fische" (Gr.) ~ *bw.w* "böse Handlungen, Sünde, (Gr.) Unreines" (MK).

f) Eg. *bnš* "to stink" (Med.) is written with a "fish" determinative.

g) Eg. *šnj* "Gestank von Fischen" (Med.) ~ *šn* "als Bez. für Schlechtes" (Gr.) — both words with "fish" determinative.

h) Eg. *b^ch* "in üblen Geruch gebracht (bildlich vom Namen)" (MK) written with a "fish" determinative ~ SCu.

**baa^c-* "to defecate" > Iraqw *ba^ca* "mud", Dahalo *baa^c-* "to defecate" (Ehret) ~ CCh. **ba-* "dirt" (Orel and Stolbova: SCu + CCh.).

i) Eg. *ddb* (prob. < *gudVb) "ein Fisch" (Med.) seems to be of the same origin as *ddbj* "eine Schlange im Jenseits" (NK), *ddf.t* "Wurm, Gewürm, auch Schlange" (BD), which — if we treat -*b/f* as suffixes — are possibly related to ECu Somali *god/dalol* "worm" and/or Sidamo *gočan-čō* "termite" ~ NOm. Omoto *gutune* "worm", Gofa *gučane* "worm", Wolamo *gutunia* "worm" (Dolgopol'skij) < **gu^tVl/n-*.

j) AA **aš-* “fish” is probably reflected in Eg. ‘š(3) “lizard” (Pap. Ram. V, 21; cp. also the hieroglyphic sign “lizard” with the phonetic value ‘š3) ~ Bed. *aša*, *aše* “fish” ~ CCu. *as “fish” (Appleyard) > Ethio-Sem.: Geez ‘āšā, Tigre, Tigrinya ‘asa, Amhara *asa* “fish” (Leslau) ~ ECu. Saho ‘āsa ~ NOm. Kafa ážo, hážo (coll.) “Fische”, eš “pescare”, Gofa áso “Fisch(e)” (Reinisch) ~ Ech. *’a[s]-“fish” (Orel and Stolbova).

The above mentioned lexical parallels confirm that fish in the Eg. culture was often associated with negative notions at all (points a, b, c, d, e, f, g, h) probably due to its worm like character (i, j) and offensive smell (a, b, f).

At this point we can turn back to Eg. *rm* “fish” (OK), probably **r̥imə* (*w/j*) > S *ra(a)me*, (B) *rami* (*m/f*) “Nilbarsch” (Osing reconstructs **r̥emj* ~ [j/w]; Vycichl: original is **r̥imej*, pl. **r̥imj-ū* > sg. **r̥em*, pl. *rame*). W. Vycichl has proposed to derive it from a not attested root *rmj “pouler”, what can hardly be proved for the lack of concrete linguistic evidence.

Nevertheless, in the light of the above mentioned parallels, it seems fair probable that Eg. *rm* is of common origin with Sem. *rmm “to rot” vs. Hebr. *rimmā*, Aram. *rēm-et-* “worms (in rotten meat, corpse, etc.)”. Ar. *rimm-at-* “ant with two wings” ~ ECu. Saho *rimme*, *rimmi* “termite, worm, maggot in rotten meat/corpse”, Galla *rāmmo* “worm, parasite”, *rimma* “ant, termite” (Gragg), Galla Borana

rāmmo’ “worm, maggot”, Sidamo *rāmō* “termite”, Collango *irmáttē* “termite” (Amborn, Minker, Sasse), Burje *hirim-a* (for **ririm-?*), Rendille *ririm*, Bayso *iririm*, Dasenech ‘*armāti*, Galla *rīr(i)m-a*, Konso *irmatt-a*, Gidole *irrimaš*, Hadiya *irm-aččo* “termite” (Sasse). See also [Dolgopol’skij 1973, p. 172] (PCu. **rAmm-* “worm, maggot” and [Maizel’ & Militarev 1983, p. 168] (Sem. + ECu.).

The connection of the meanings “to rot” and “worm” in Sem. is not necessarily a contamination as Dolgopol’skij and Militarev suppose, cf. the parallel case in Kartv. **mat̥l-* “worm” (Klimov) traced back to the verbal root **t̥l-* “to rot, decay, putrefy” by Gamkrelidze & Ivanov and also by Fähnrich & Saržvelaze. (For a different etymolocal analysis of Kartv. **mat̥l-* cp. Illič-Svityč 1976, No. 312).

Our reconstruction of the original Eg. vocalization as **r̥im-* is confirmed not only by the Coptic reflexes and the ECu. Galla-Sidamo isogloss, but also by the regularity that an original **ri/u-* would result in Eg. *j-* and not *r-* (D’jakonov), e.g.: a) Eg. *jm* (< *rim) “Ton, Lehm” (MK), *jmjt* “aus Ton hergestelltes (?)” (MK) ~ Sem. Ar. *rimm-* “wet earth” (Maizel’-Militarev); or b) Eg. *jwj* “bewässern, (Flüssigkeit) ausgiessen” (MK) ~ Sem. *rwj “to drink” and **riway-* “abundance of water” ~ WCh. Hausa *rúwá*, pl. *rúwáyé* “water”, Galambu *rwà* “river” (Militarev, Blažek: Sem. + WCh.).

И. Н. Топорова
(Москва)

ЯЗЫКИ БАНТУ В ПЛАНЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАРАДИГМАТИКИ И СИНТАГМАТИКИ

Abbreviations:

AA: Afrasian; (B): Bohairic dialect of Coptic; BD: Book of the Dead; Bed.: Bed'awye; Berb.: Berber-Guanche; C: Central; Ch.: Chadic; CT: Coffin Texts; Cu.: Cushitic; Drav.: Dravidian; E: Eastern; Eg.: Egyptian; Gr.: Greek and Roman Period; H: Highland, Hebr.: Hebrew; Kartv.: Kartvelian; L: Lowland; LP: Late Period; Med.: Medical Texts; MK: Middle Kingdom; N: Northern; NK: New Kingdom; OK: Old Kingdom; Om.: Omotic; P: Proto-; S: Southern; (S): Sahidic Coptic; Sem.: Semitic; W: Western.

References:

- Dolgopol'skij 1973: Dolgopol'skij A. B. Sravnitel'no-istoričeskaja fonetika kušitckih jazykov. M., 1973.
Maizel' & Militarev 1983: Maizel' S. S. & Militarev A. Ju. Puti razvitiya kornevogo fonda semitskih jazykov. M., 1983.
Illič-Svityč 1976: Illič-Svityč V. M. Opyt sravnenija nostratičeskikh jazykov. Vyp. 2. M., 1976.

Вряд ли кто-либо будет опровергать положение о тесной связи парадигматики и синтагматики. Оба уровня связаны отношением 'нежесткого противопоставления' (1) или 'мягкого взаимодействия' в том плане, что явление парадигматического уровня в то же время представляет собой некую данность синтагматического ряда.

Исследование всех уровней языков банту — от фонетики и фонологии до словообразования — является удачной иллюстрацией тесного взаимодействия парадигматического и синтагматического уровней.

В плане фонологии парадигматика включает в себя набор фонем, набор ДП, служащих для идентификации фонем. Синтагматика представляет собой как бы следующий этап анализа языка, связанный (в данном случае) с дистрибуцией фонем в пределах слога, слова, в частности, на стыке морфем, с анализом сочетаний гласных и согласных фонем, с дистрибуцией фонем начала и конца слова.

Говоря о соотношении парадигматики и синтагматики в фонологии, следует отметить высокую степень парадигматичности, поскольку именно на базе анализа парадигматических данных

и только в таком случае можно обратиться к уровню синтагматики. По мере продвижения в направлении синтагматики мы движемся в сторону морфонологии, следующего уровня, первый этап анализа которого — парадигматический. Таким образом, большая степень синтагматичности уровня фонологии порождает начальную ступень — парадигматический уровень — морфонологии. Т.е. связь синтагматического уровня фонологии и парадигматики морфонологии настолько тесна, что, по существу, не совсем ясно, идет ли речь о фонологии в синтагматическом аспекте или о парадигматике морфонологии.

Поясним высказанную мысль данными из языков банту. Так, анализ синтагматического уровня фонологии в языках банту дает возможность выявить особенности распределения фонем в слоге (или слове). Оказывается, что дистрибутивные возможности класса гласных фонем достаточно широки: они могут сочетаться с подавляющим большинством согласных, т.е. имеют место сочетания CV и VC. Некоторым исключением в этом плане являются сочетания гласных фонем с лабиализованными и палатальными согласными; сочетания типа *r'u*, *t'o*, *kri*, *gbe* и некоторые другие нехарактерны для языков банту (2). Сочетания двух гласных фонем (VV) также нехарактерны, хотя и не исключены окончательно, например: *ae* — *ebaelo* 'помост', *au* — *=kauka* 'сохнуть' (лингала). С другой стороны, в ряде языков существует определенная тенденция к избавлению

от таких сочетаний. Так, в языке курия на стыке двух морфем происходит стяжение гласных, ср.: *a+o* > *oo>o*: *a+obohire* > *oobohire* > *obohire* 'он испугался'.

Дистрибутивные возможности согласных фонем ограничены. Для языков банту нехарактерны сочетания двух согласных (CC). В случае наличия подобных сочетаний первым компонентом, как правило, является назальная фонема C_n, т.е. сочетание C_nC, например: *mboka* 'город', *nsuka* 'конец', *ntalo* 'цена' (в лингала). Сочетания трех согласных (CCC) в строгом смысле в языках банту отсутствуют; обычно последним элементом является полугласная фонема (w или y), ср.: *mbw—a* 'собака', *nsw—ei* 'волос' и т.д. (лингала).

Стоит отметить также дистрибуцию фонем начала и конца слога (слова). Если для гласных фонем практически нет ограничений занимать начальную или конечную позицию, то для согласных фонем такие ограничения имеются. Так, в большинстве языков банту согласная (C) не может стоять в конце слога (слова), т.е. слог, как правило, открытый (ср.: *mo-la-ki-si* 'учитель' в языке лингала). Исключение составляют языки северо-западного ареала и незначительное число центральных языков, где встречается закрытый слог (C или CVC), например: *kpong* 'заяц', *nguos* 'солнце' (бафия) и т.д.

Приведенные примеры иллюстрируют синтагматический уровень фонологии, однако, с другой стороны, здесь мы вплотную подходим к парадигматике морфонологии, поскольку в

отношении морфонологии уровень предполагает анализ набора морфологических форм и инвентарь фонологических средств, используемых в морфологических целях. Объектом синтагматики является анализ морфонологических процессов, происходящих в области вокализма и консонантизма, таких как: стяжение гласных, выпадение V или C, ассимиляция, девокализация и некоторые другие процессы.

С другой стороны, интересен вопрос о соотношении синтагматики применительно к области фонологии и синтагматики морфонологии. В первом случае речь идет по существу о дистрибуции фонем в пределах слова, слова или на стыке морфем, об анализе, констатации сочетаний гласных и согласных фонем, о дистрибуции фонем начала и конца слова.

Во втором случае объектом синтагматики морфонологии является анализ морфонологических процессов, происходящих в области вокализма и консонантизма, т.е. как бы на фоне констатации дистрибуции фонем (т.е. синтагматики фонологии). Таким образом, речь идет о более активном действии. В частности, для языков банту можно отметить следующие морфонологические процессы.

Для гласных: а) девокализация гласных в позиции перед начальной гласной

основы, т.е. $V + V > C_v V$, например: *o,u > w* перед *V*; *i > y*, см.: *wali < u+ali* 'жена' (болиа);

парадигматический анализ набора

mwasi < mo+asi 'женщина, жена' (лингала); *etuaka < eti+aka* 'годы' (ганда);

б) уподобление гласной префикса по степени раствора гласной основы ($V_1 + V_2 > V_2 V_2$). Это явление называют в бантуистике сингармонизмом или гармонией гласных. Оно характерно преимущественно для языков северо-восточного ареала. Узкий V основы определяет наличие узкого гласного в префиксе и, соответственно, широкий V основы предполагает наличие широкого гласного в префиксе. Именно этим объясняется наличие алломорфов *ege/igi, epe/imi, obo/ibu*, например: *eke-he* 'корзина' — *iki-ginga* 'группа молодежи' или *ege-toco* 'заяц' — *igi-tinya* 'сало' (курия) и т.д.;

в) стяжение тождественных гласных на стыке Pref и основы ($V_1 + V_1 > VV$): *aba-an* > *abaana* > *abana* 'дети' (курия).

Для согласных: а) регressive ассимиляция, т.е. уподобление назальной согласной префикса начальной согласной основы по месту образования ($C_{n1} + C > C_{n2} + C$): *n > m* в позиции перед билабиальными *p, b* и лабиальными *f, v*, например: *mbeki* 'горшки' < *n+beki* < *lo+beki* 'горшок'; *mposo* 'шкуры' < *n+poso* < *lo+poso* 'шкура' (лингала);

б) диссимиляция согласных соседних слогов (закон Даля). В языках банту обычно речь идет о расподоблении велярных смычных *k, g* и/или дентальных смычных *t, d* по признаку звонкость—глухость. Это явление характерно для языков северо-восточного ареала, например: *eke-bago* 'мотыга' — *ege-sobe* 'ядро, кость'; *iki-bile*

'причина' — *igi-tumbé* 'стул' (курия) и некоторые другие явления.

В морфологии парадигматика включает в себя многочисленные парадигмы: именные, глагольные, местоименные, инвентарь именных префиксов, включая их варианты и алломорфы, модели именных и глагольных корней, суффиксы и т.д. Причем эти парадигмы в значительной степени могут быть рассмотрены как принадлежность синтагматики предыдущего ровня, морфонологии, однако с тем отличием, что попав в морфологию, они рассматриваются как стативная данность или как результат морфонологических процессов, т.е. как синтагматический уровень морфонологии.

Что касается синтагматики морфологии, т.е. распределения морфем в тексте, то анализ этого уровня представляет особый интерес для языков банту, для которых согласовательный критерий играет важную роль при определении именного класса, рассматриваемого как согласовательный тип. Связи имени (Nom) с другими разрядами слов (Adj, Pton, Vb) осуществляются с помощью морфологических показателей, согласователей, определяемых статусом данного существительного. Обычно речь идет об атрибутивной и предикативной синтагмах (Nom + Adj/Pton, Nom + Vb). Последовательный анализ всех согласовательных синтагм дает возможность в конечном счете определить все встречающиеся в языке согласовательные типы, называемые в языках

банту классами. Приведем несколько примеров, в качестве иллюстрации:

Ba-ná ba-ye ba-ke ba ba-tuli ba biso ba-ba-beti

'Дети эти маленькие (пр.ч.) кузнецов наших они — их — бывают'

В этом примере из языка лингала речь идет о согласовательной модели 2 класса, определяемой именем существительным 2 кл. *ba-la* 'дети'.

Или:

Bi-lam̩ba bi-ye by-a ngai bi-poli

'Одежды эти (пр.ч.) мои они — намокли'.

В данном случае речь идет о согласовательной модели 8 класса, определяемой существительным *bi-lam̩ba* 'одежды'.

В некотором смысле синтагматический уровень в морфологии можно было бы рассматривать как некую самодостаточную данность, как продвинутую ступень в организации текста, завершающую реализацию всех предыдущих уровней. По-видимому, так оно и есть в какой-то степени. Однако при этом следует помнить, что согласовательные модели, полученные в результате реализации правил синтагматического уровня, на самом деле, являются также и принадлежностью синтаксиса, т.е. более высокой ступени организации текста. Причем, как кажется, в отношении языков банту с меньшей степенью уверенности можно говорить о различии роли парадигматики и синтагматики на уровне синтаксиса, чем, к примеру, в изолирующих языках, где по причине отсутствия

морфологии важную роль в синтаксисе играет, к примеру, порядок слов. В языках же банту благодаря богатой морфологии, принимающей участие в организации текста, необходимость использования других средств синтагматического плана в области синтаксиса практически сведена к минимуму.

В области словообразования парадигматика предполагает анализ инвентаря словообразовательных элементов — префиксов, суффиксов, именных и глагольных корней. Задача синтагматики — определение взаимодействия всех этих форм в целях построения новых словоформ, анализ основных правил сочетаемости элементов, включая в том числе имеющие место запреты.

Применительно к материалу языков банту речь может идти о префиксах *mo*=, *oto*=, *iti*= *e*=, *bi*=, *bo*=, *obo*=, *ubi*=, суффиксах =*a*, =*e*, =*i*, =*o* и т.д. Правила взаимодействия всех этих элементов важны для целей построения новых словоформ, для определения основных тенденций развития лексики языков. В качестве иллюстрации рассмотрим некоторые словообразовательные модели из языков лингала и курия:

mo — *Rvb* — *i* (имя деятеля): *mo-tul-i* 'кузнец' < =*tula* 'ковать' (лингала);

oto — *Rvb* — *i*: *oto-gend-i* 'идущий, пешеход' < =*genda* 'ходить' (курия);

bo—*Rvb*—*i* (процесс, действие): *bo-longol-i* 'освобождение' < =*longola* 'освобождение' (лингала);

ubi — *Rvb* — *i*: *ubi-trim-i* 'земледелие' < =*tema* 'обрабатывать землю' (курия);

e—*Rvb*—*el*—*i* (орудия труда): *e-bet-el-i* 'молоток' < =*bete* 'бить'; *e-kom-el-i* 'карандаш' < =*koma* 'писать' (лингала);

to—*tekan*—*o* (абстрактн. имена): *to-tekan*—*o* 'соревнование' < =*mekana* 'соревноваться', *to-mesan*—*o* 'обычай' < =*mesana* 'привыкать' (лингала);

oto — *Rvb* — *o*: *oto-gok*—*o* 'радость' < =*goka* 'радоваться' (курия).

Определенные правила организации приведенных словообразовательных моделей позволяют конструировать новые словоформы.

Приведенные в данном сообщении примеры, с одной стороны, указывают на важность анализа парадигматического и синтагматического уровней применительно ко всем аспектам языка, на их тесное взаимодействие, с другой стороны, позволяют отметить специфику обоих планов анализа языка и, в частности, определенную тенденцию, заключающуюся в переходе, в перетекании одного уровня в другой в случае, если речь идет о различных аспектах языка.

Литература:

1. Виноградов В.А. Синтагматика и аналитизм//Тезисы международной конференции. Грамматические категории и единицы. Владимир, 1995.

2. Топорова И.Н. Типология фонологических систем языков банту. М. 1975.

В. П. Хабиров
(Екатеринбург)

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНО-ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ КОНГО

Современные процессы в конголезском обществе связаны с решениями, принятыми в ходе и после Национальной Конференции, состоявшейся в 1991 году. Национальная Конференция оголила те проблемы, которые давно беспокоили конголезское общество и о которых нам приходилось писать ранее [Хабиров 1983]. Одними из основных социальных проблем являются трибализм и регионализация. Социальными последствиями господства марксистско-ленинской идеологии в Конго, по мнению конголезских политологов, являются маргинализация религиозных верований и неприятие никакой другой идеологии кроме марксизма. Это привело к полной потере этнических чувств в традиционном понимании этого слова. Произошла смена ценностей: традиционные вожди потеряли былую власть и авторитет; учителя в школах потеряли контроль над учениками — активистами UJSC; руководители предприятий

должны были считаться с мнением профсоюзных деятелей или членов единственной партии КПГ; в армии офицерам не отдавали честьunter — офицеры — члены КПГ; родители, занятые посещением многочисленных политических митингов, перестали следить за своими детьми. В учреждениях процветали. Чтобы исправить положение, нужно воспитывать нового человека, способного забыть свой регион, племя, свой клан, свою семью, своих друзей детства, свой привязанности и отдать себя на службу Нации, говорил президент Нгуаби. Следует сказать, что еще М. Нгуаби говорил, что когда конголезцы получат образование, разовьется их национальное сознание, они будут готовы стать нацией. Он говорил, что нужно развивать национальные языки, чтобы развить национальное самосознание, а затем — нацию. Анализируя конголезскую ситуацию, знакомясь с политической и научной литературой написанной конголезцами, и в частности с такой работой М. Гаетана как "Конголезская нация: миф или реальность?", можно сделать вывод, что конголезской нации еще нет. По мнению конголезского д-ра философии Окомби Ивого Конго процветает трибализм, определяемый им как идея, являющаяся продуктом политиков поддерживаемая ими и служащая для оправдания различных социальных и политических действий. Он говорит о трибалистской или племенной элите находящейся у власти и делающей все, чтобы поднять значимость их племени, этнической группы, например осуществление грандиозных проектов

Конго — таких, как строительство многоэтажных административных зданий, наполовину потом пустующих, моста через р. Квилю и т. д. В настоящее время можно говорить о "новом" трибализме, более опасном, по мнению Р. Отсьяле (газета "La Différence", № 001), своего рода сектантстве, основанном на знании языков. Заходишь в учреждение, пишет автор, и чувствуешь себя, как за границей, потому что вместо официального французского языка или так называемых национальных языков лингала или муункутуба, слышишь чешский, русский, польский, испанский. Это конголезцы, получившие образование в других странах, упражняются в снобизме, ограждая себя от посетителей.

Для характеристики правления президента Сассу Нгессо используются три неологизма (конголизма): кюветизация (производное от области Cuvette), мбошизация (от этнической группы mbochi, к которой принадлежит президент), ойократия (от названия родного дистрикта президента Ою). Термин "мбошизация" объясняется как завладение политической и административной властью представителями этнической группы мбоши и назначение на руководящие посты только по признаку принадлежности к мбоши. Этот термин имеет трибалистско — региональную окраску, возвращая нас к известному противостоянию мбоши — баконго (бангала — баконго) и Север — Юг [Хабиров 1983]. Существует мнение, что президент, являясь представителем "северян", больше

Таблица 1.

	Общее число	%	Конголезцы %	Мбоши %	Север %	Юг %
Планктон	13	100	5	38,5	4	80
Центрально- баконго	75	100	30	40	25	70
Конголезец	22	100	10	45,5	7	70
Гранито- полисито					6	85,
Город	19	100	12	63	6	50
Всего	129	100	57	44,2	42	66,
					6	57

заботился об интересах своей этнической группы, чем о национальных интересах или интересах КПП. Отсюда непропорционально и неоправданно завышенное число представителей этнической группы мбоши в органах политической и административной власти, полиции и армии. Привилегированное положение мбоши заставляло представителей соседних этнических групп, имеющих в роду дальних родственников мбоши, идентифицировать себя как мбоши, не говоря уж о детях смешанных браков. Например, некоторые представители этнической группы теке, известной как теке-алима, стали называть себя мбоши, отказавшись от своего языка и приняв язык мбоши. Приграничные теке ангенгвел, известные как бангангулу, так же как и представители группы мбего (мбеде) позволяют считать себя мбоши. Все это делается им для получения привилегий от власти. На приведенной ниже таблице дается количество, а также процентное соотношение представителей области Кювет в конголезских административных и политических (Политбюро и ЦК КПП) органах в то время, а также число послов Конго, аккредитованных в других странах и приглашенных на Национальную Конференцию. Третья колонка отражает численное количество представителей этнической группы мбоши, а четвертая — такие же сведения по дистрикту Ойо.

176

Таким образом, представители Кювета составляют свыше 40% от общего числа представителей 9 областей Конго. 3/4 представителей Кювета — мбоши, 57 процентов которых проживают в Ойо. Остро стоял вопрос о трибализме на Национальной конференции, освещавшийся почти по всех докладах. Бывший премьер — министр Конго Лиссуба сказал, что трибализм является одним из элементов конголезской культуры и надо знать, как им пользоваться в интересах народа. Очевидно, можно использовать трибалистические тенденции в стране для разжигания межплеменной розни, дестабилизации обстановки, как случилось во время покушения на президента Нгуаби, когда был распущен слух, что куйю нападут на лари. Было предложение заменить термин "tribalité" на термин "éthnicité", а "регионализм" на "трибализм". Было предложено также в Хартию о национальном единстве внести сведения об этническом составе и об ареале распространения этнических групп Конго, так как для "южан" все, кто проживает на севере, это мбоши, а для "северян" те, кто проживает на юге, — только баконго.

Известно, что трибализм находит свое выражение в языковой нетерпимости. История Конго знает примеры проведения такой языковой политики, при которой предпочтение отдавалось только лингала — языку "северян". Министра иностранных дел Конго А. Ндинга во время визита в Японию сопровождал переводчик лингала. Он же, во время совещания

177

глав правительства государств ЮДЕАК выступил на лингала с переводом на французский. Затем для стабилизации обстановки было принято решение на партийном уровне считать "национальными" два языка межэтнического общения — лингала и мунуктуба. Однако это не стало актом Конституции. По свидетельству заведующего кафедрой лингвистики Браззавильского университета А. Липу, они несколько лет работали над учебниками арифметики, географии, истории на лингала и мунуктуба для начальной школы, однако опубликованы они не были из-за противодействия конголезской элиты, получившей образование во Франции и англоязычных странах. Политическое руководство страны говорило, что введение лингала и мунуктуба (не говоря уже об этнических языках) в образование — дело второстепенное. Первостепенной задачей является повышение уровня преподавания французского и английского языков. Стратегией языковой политики, разделенной на 2 этапа, очевидно, является продолжение использования французского языка в образовании, тогда как местные языки, которым придан статус "национальных", постепенно вводятся в школьные и университетские программы. Затем, когда "национальные языки" утверждаются в образовании, французскому языку дается статус просто иностранного языка. Однако решение должно приниматься на конституционном уровне. Следует сказать, что в столичном университете ведется курс лингала и мунуктуба. Работает

лексикографическая группа по составлению тематического словаря языка лингала (проект ЛЕТАК) под эгидой Франции. Распространению лингала в Конго безусловно способствовало его широкое распространение в Заире, где он имеет несколько тесно связанных вариантов (разновидностей), включающих два основных — нормированный и межэтнический (*véhiculaire*). Межэтнический лингала в свою очередь имеет два варианта — квази-нормированный и просторечный (*populaire*). Нормированный вариант лингала носит название литературного лингала, в обработке которого большую роль сыграли миссионеры. Этот вариант и преподается в учебных заведениях, но не употребляется в разговорной речи, в отличие от межэтнического. Квази-нормированный (центральный) вариант представляет собой промежуточную форму между нормированным и просторечным вариантами. Последний называют еще пиджинизированной (должно быть "креолизованной" — В. Х.) формой. Центральный вариант распространен в районе Экватора, на нем говорят большинство солдат старой гвардии и католических священников, он используется на радио и телевидении в текстах, которые сначала пишутся, а потом зачитываются. Так называемая "пиджинизированная" форма лингала чаще всего встречается в столице Заира Киншасе. Это динамичная структура, и она все чаще и чаще употребляется на радио и телевидении в радиодебатах, интервью и т. д. Следует заметить,

что носители просторечной формы лингала, распространенной в Киншасе, не всегда легко понимают носителей центрального варианта, приехавших с Экватора. Что касается Республики Конго, то лингала здесь также представлен несколькими вариантами, определяемыми, как представляется, этнической группой носителя и местом проживания последнего. Проведенный социолингвистический опрос позволил выяснить процент владеющих лингала и мунукутуба представителей основных этнических групп севера и юга, проживавших в то время в Браззавиле [Хабиров 1984]:

Таблица 2.

	конго	лари	теке	мбонги	бонготаби
лингала	80	81	94	100	100
мунукутуба	95	88	73	63	41

В Бразавильском университете изучается нормированный вариант лингала, языком которого является язык бобанги. В Бразавиле распространен его креолизованный вариант (ср. "простонародный", "пиджинизированный" в Киншасе). Креолизация

лингала (в большей или меньшей степени), как, впрочем, и других креолизованных языков, связана с редукцией системы согласования, именных классов, заменой тона ударением (хотя существуют некоторый тональные оппозиции), заменой преназализованных фонем простыми, заменой открытых гласных закрытыми, изменением словарного состава и сторону уменьшения и увеличением числа заимствований, редукцией словообразовательных моделей, тенденцией к более широкому использованию словосложения, изменением (редукцией) или переструктурализацией системы категорий вида и времени и некоторыми другими особенностями процесса креолизации. Следует заметить, что лингала в меньшей степени подвергся вышеупомянутым изменениям, чем мунукутуба и санго — другой язык межэтнического общения Конго и ЦАР, распространенный на севере (адамава — восточная группа). Существует мнение (А. Жако), что поскольку мунукутуба распространен на юге Конго, более развитом экономически, где плотность населения достигает 100 человек на 1 кв. км., он имеет более важное значение для населения, чем лингала. Кроме того, языком — источником мунукутуба является язык или несколько языков, носители которых составляют гомогенную группу (конго), составляющую определенную историческую и культурную общность, сходство в социальной структуре, обычаях и традициях. Однако не следует забывать, что лингала распространена в столице и не вызывает у конголезцев пейоративного отношения

к себе, как это иногда бывает с мунукутуба, который называют языком бандунгу — языком чужих, белых. Важным фактором, способствующим распространению лингала в Конго, является влияние культурной и политической жизни Заира, поскольку заирские радио- и телепередачи свободно принимаются в Конго; работает паром, связывающий обе столицы. Торговцев из Заира каждый день можно наблюдать на базарах Браззавиля, в то же время многие конголезцы ездят за товаром в Киншасу. Привозятся и различные журналы на лингала. Получает распространение и жаргон лингала — так называемые лингала молодежи, бандитов, янки или, как его еще называют, индубил. Фактором, способствовавшим появлению еще одного языка межэтнического общения лари (лади, языковая группа конго), является увеличение, начиная с 50-х годов, прослойки балари в Браззавиле. По некоторым сведениям, в настоящее время 65% бразавильцев говорят на лари. Церковная служба (3/4 конголезцев — верующие) осуществляется на языке лари. Лари не несет пейоративной нагрузки, как мунукутуба, который связывают с периодом сильных колониальных репрессий, вызванных движениями таких лидеров, как С. Кимбембе и А.-Г. Матсва, во время которых администрация Среднего Конго и Ф. Э. А. широко вводила мунукутуба. В отношении происхождения лари существует несколько гипотез. По мнению некоторых исследователей, лари является результатом контактов китеke и киконго.

По мнению других, лади — название одного из кланов баконго Ми-Мланзу, представители которого, спасаясь от белых, заимствовали имя у лади из Кимбото. Рассматривая процент носителей того или иного языка на рынках Браззавиля, можно проиллюстрировать это следующей таблицей:

Таблица 3.

	Республика Папуа — Новая Гвинея	Папуа — Новая Гвинея	Баконго	Чад	Монголия
лингала	68,5	1,0	60,0	32,0	
мунукутуба	7,0	25,5	13,0	27,0	
лади	4,5	60,0	4,0	4,5	
французский	15,0	4,0	4,0	3,0	

Из беседы с преподавателем кафедры лингвистики университета Браззавиля Ж. Элунга нам стало известно, что если бы лет 10—15 тому назад заговорить в квартале баконго с кем-либо из жителей на лингала или французском, он бы вам ответил на лари. А сейчас он вам ответит либо на лингала, либо на мунукутуба, если вы заговорите на последнем. То есть, по мнению Элунга, 10—15 лет назад можно было бы говорить о лари как о

третьем межэтническом языке, но не сейчас, когда все большее распространение получает лингала. Показателен тот факт, что в большинстве распространенных в Браззавиле оркестрах 80% членов происходят из баконго, но поют они на лингала.

На Общенациональной Конференции, выступая в прениях по обсуждению материалов комиссии по образованию, конголезский лингвист Ю. Оссете говорил о придании более важного статуса национальным языкам лингала и мукутуба, о их важной роли для национального единства, т. к. они являются супраэтническими. Было внесено предложение считать лингала и мукутуба национально-межэтническими (*nationaux-véhiculaire*), а другие (этнические) языки Конго — национальными. Следует заметить, что выступления на конференции делались на французском, лингала, мукутуба, или же их начинали на национальном языке, а заканчивали на французском. Заключительный акт, принятый на конференции и являющийся по сути конституцией страны, отметил в отношении языков, что "... Все общности, составляющие конголезскую нацию, пользуются правом говорить на их родном языке ... без предрассудков по отношению к другим языкам". А в части первой сказано: "Официальным языком страны является французский язык".

184

Литература:

Хабиров 1983: Хабиров В. П. Языковые проблемы Народной Республики Конго. // Традиции и современность. М., ИА АН СССР, 1983, с. 211.

Хабиров 1984: Хабиров В. П. Роль автохтонных языков в Народной Республике Конго. // "Народы Азии и Африки". 1984, № 6, с. 88.

С. С. Хромов
(Москва)

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНТОНАЦИИ

1. В данном выступлении предпринимается попытка определить интонационные единицы разного уровня абстракции в языках различного морфолого-синтаксического типа: русского (преимущественно флексивного), суахили (преимущественно агглютинирующего), йоруба (преимущественно изолирующего).

2. Системный анализ интонации устного текста в языках различного типа предполагает выявление и разграничение универсальных, типологических и индивидуально-специфических характеристик интонации.

185

3. Анализ типологических характеристик интонации опирается на соотнесенность интонационных типов с характером мыслительного процесса: а) логически опосредованного и б) апперцепционного (описательного).

4. Интонация соотносится с разными уровнями познавательного процесса, выступая как средство разграничения конкретного и абстрактного и функционируя по законам данного языка.

5. Для эксперимента были подобраны высказывания, представленные основными типовыми значениями базовых грамматических моделей, например: "субъект — его квалификация": Африка — континент, Танзания — страна, Додома — город, Килиманджаро — гора, Киунгунджа — остров, Лев — зверь, Я — человек.

Для второго этапа эксперимента были отобраны примеры апперцепционного характера, описывающие состояние природы.

А. В. Яковлев
(Москва)

О НОВЫХ МОМЕНТАХ В ДВИЖЕНИИ В ПОДДЕРЖКУ ЯЗЫКА АФРИКААНС (AFRIKAANSE TAALBEWEGING): РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЕЗДКИ ПО ЮАР И НАМИБИИ В 1994 ГОДУ

0. Состав участников нашей конференции избавляет от необходимости давать обзор фоновой информации о языке африкаанс и позволяет сразу же перейти к результатам анализа наблюдений, сделанных в сентябре — октябре 1994 г. во время поездки по Намибии (Виндхук, район Гобабиса, Свакопмунд, Уолфиш-Бей, Хентисбай) и ЮАР (Капстад, Стелленbos, Паарль, Почефстром, Претория, Йоханнесбург, Апингтон) с посещением Университета Намибии, Парламента Намибии (в день дебатов по языковой политике), Кейптаунского университета, Стелленбосского университета, Университета Претории, а также участием в "радиоперекличке" кафедр языка африкаанс ряда университетов. В Виндхуке довелось также принять участие в заседании местного общества в поддержку языка африкаанс, в Почефстроме — в работе учредительной конференции общества друзей языка африкаанс, объединяющего как южноафриканцев, так и намибийцев; с основным докладом на

конференции выступил профессор Стellenbosского университета д-р Комбринк (J.G.H. Combrink). По результатам наших наблюдений новыми представляются следующие моменты.

1. Не ощущается следов прямолинейной аксиологии, обычно связываемой с мышлением южноафриканских "феркрампте"; в частности, спокойно констатируется, что главная угроза языку африкаанс состоит в том, что все африканеры свободно владеют английским. Не ощущается следов такого стиля мышления, который подразумевает, что все желательное, вообще говоря, порождается только желательным и ведет только к желательному, а все нежелательное, напротив, порождается только нежелательным и ведет только к нежелательному. Не обнаруживается следов отношения к действительности, выраженного шутливым афоризмом "Если факт не сдается, его уничтожают". Иными словами, налицо преодоление антиинформационного менталитета.

2. Судя по массовой волне обращений на кафедру языка африкаанс Стellenbosского университета (а этот университет — цитадель африканерского просвещенного консерватизма), в общественном сознании африканеров зимой (т. е. в июне — августе) 1994 г. произошел важный психологический перелом. Стали характерны обращения типа "Что я могу сделать, чтобы защитить язык африкаанс?" Императив "Если не я, то кто же?" сделался

массовым. В 1994 г. африканеры поняли, что они одиноки в мире, что им никто не поможет, если они сами себе не помогут. (До этого африканеры ошибочно воспринимали себя как часть западноевропейского суперэтноса, и поведение других народов этого суперэтноса, в частности голландцев, в отношении Южной Африки казалось им или недоразумением, или предательством.) Сейчас налицо психологическое состояние общества, противоположное, например, португальскому себастьянизму (ожиданию святого правителя, который возродит былое величие Португалии), или монгольским представлениям о грядущем Гэсэр-хане и новогреческим — о благородном рыцаре, который придет с Севера. Когда люди сказали себе: "Мы дождемся, придет кто-то и все нам исправит," — это начало конца. Там же, где люди говорят: "А что могу сделать именно я и именно сейчас?" — следует ожидать подъема.

3. Стала эксплицитно формулироваться мотивация стремления сохранить язык африкаанс. Речь идет не только об интересной литературе, созданной на этом языке. "Люди языка" (*die taalmense*) обращают также внимание на систему оценок и нравственных ценностей, закрепленную в ассоциативных полях слов, каковые поля связаны со множеством идиомов и пословиц, которых данное слово присутствует, не обязательно в качестве ключевого. В упомянутом выступлении проф.

Комбринк привел значительное количество примеров, поясняющих, по его авторитетному мнению, позитивное ассоциативное поле глагола *kom* "приходить" и негативное ассоциативное поле семантически близкого глагола *gaap* "идти". Проф. Комбринк подчеркнул, что утрата языка приведет и к утрате присущей народу (языковому коллективу) подсознательной системы оценок: в английском она существенно иная, бурская же близка к нидерландской, чем к немецкой). К сожалению, об этой интересной параллели между степенью языкового родства и близостью подсознательных систем оценок проф. Комбринк только мимоходом упомянул, но не рассказал подробно.

4. В движении за язык африкаанс основной акцент переносится с борьбы за чистоту языка на борьбу за его широкое использование. На первый взгляд может показаться, что ситуация укладывается в пословицу "Не до жиру — быть бы живу"; однако новые "люди языка" резонно обращают внимание оппонентов на нидерландский язык, где заимствований в десятки раз больше, чем в африкаанс, и, тем не менее, о непосредственной опасности исчезновения нидерландского языка говорить не приходится. Практические формы борьбы за широкое использование бурского языка различны. Это, например, маленькие изящные плакатики "Afrikaans, asseblief!" ("Африкаанс, пожалуйста!") и "Dankie vir u Afrikaans!" ("Спасибо

за Ваш африкаанс!"), распространяемые для расклейивания в общественных местах. Это конгрессы преподавателей с выступлениями лучших методистов, воспроизводящими открытые уроки. Это радиопередачи для африканеров, занимающихся литературным творчеством (африканеры — нация поэтов и писателей), с советами, например, о том, как писать рассказы для детей.

5. На кафедрах языка африкаанс в вузах на первое место вышла социолингвистика. На кафедре языка африкаанс Университета Намибии уделяется большое внимание изучению обстоятельств гибели языков или утраты общественного значения тем или иным языком (например, ирландским).

6. Провозглашается равноправие диалектов и отказ от попыток рассматривать какой-либо диалект как более нормативный (здесь напрашивается аналогия с языковой ситуацией в Древней Элладе). Более того, язык клерлингов отождествляется с бурским как один из его вариантов, равноправный и равноценный другим вариантам. О связанном с этим сдвиге языкового самосознания в собственно языковую сторону см. в нашей работе "О структурном изменении в этноязыковом самосознании африканеров в пост тоталитарных обществах ЮАР и Намибии" (в печати).

7. Уже позднее, в 1995 г., усилия африканерской элиты привели, наконец, к созданию в ЮАР на правительственном уровне Комиссии по изучению вопроса об автономии для африканеров. В связи с работой этой комиссии следует ожидать новых интересных моментов в функционировании языка африкаанс в южноафриканском, а возможно также и в намибийском, обществе.

СОДЕРЖАНИЕ

И. С. Аксенова	Аналитические формы глагола в языках банту. К вопросу о типологии вспомогательного глагольного элемента (AUX).....	3
Фоде А. Бангура	Вопросы описания глагольной лексики союза.....	15
А. Г. Белова	Вокализм первичных глагольных основ в семитских языках и в языке беджа (северокушитские языки).....	20
М. Б. Бергельсон	Номинализация в бамана.....	23
В. А. Виноградов	Число и класс на фоне определенности.....	29
Н. В. Громова	О первой советской конференции по африканским языкам.....	36
Н. А. Добронравин	Хауса – арабский словарь "Иана ал-мута'аллим": язык и графика.....	40
А. Ю. Желтов	Суахилийские именные классы и русские словообразовательные суффиксы: структурные параллели.....	44
А. А. Жуков	Об истоках литературного языка суахили: II. Киаму.....	52
М. И. Капун	О регистровой природе среднего тона в языке йоруба.....	55
А. А. Кибрик	Поддержание референций в языке серер.....	62
В. Т. Клоков	Формы обращения в речевом этикете франкоговорящих африканцев.....	69
А. И. Коваль	К исследованию этнокультурного словаря: МОЛОКО у фульбе.....	77
А. Б. Копелиович	Согласование и грамматические категории имени.....	100
Э. Е. Кормышева	Имена богов в мероитских надписях.....	108
А. Д. Луцков, М. Р. Урб	Исторические реалии в пословицах и поговорках зулу.....	114
Д. А. Носницын	Морфология независимых личных и указательных местоимений в амхарском и тиграйском языках.....	121

с.116 № собЮоравине
62 (на странице) №ере
64 № классических

В. А. Плунгян "Внутренний объект": синтаксический аналог актантной деривации.....	124
К. И. Поздняков Классификаторы волоф и иерархия морфологических оппозиций.....	127
В. Я. Порхомовский К реконструкции семито – хамитской аспектной системы.....	134
Ф. И. Рожанский Направление движения как словарная характеристика глагольных лексем в языках Западной Африки.....	143
О. В. Столбова Корневые варианты в чадских языках.....	148
Ю. Г. Суэтина Выражение пространственных отношений в языке канури.....	156
G. Takacs The Afroasiatic Origin of Egyptian RM 'fish'.....	159
И. Н. Топорова Языки банту в плане взаимодействия парадигматики и синтагматики.....	164
В. П. Хабиров Современные этно – языковые процессы в республике Конго.....	173
С. С. Хромов Универсальные и типологические характеристики интонации.....	185
А. В. Яковлев О новых моментах в движении в поддержку языка африкаанс (Afrikaanse taalbeweging): результаты поездки по ЮАР и Намибии в 1994 году.....	187

Составители приносят свои извинения за технические погрешности, возникшие при форматировании текста.